

Былички Белорусского Поозерья

Витебск 2013

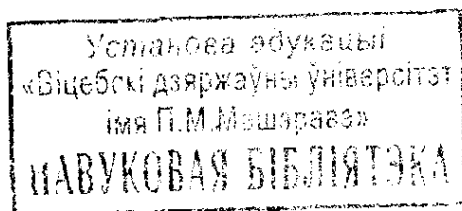
Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Кафедра литературы

БЫЛИЧКИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Сборник текстов

* 20415652 *

Витебск

*ВГУ имени П.М. Машерова
2013*

УДК 398.2(476.5)
ББК 82.3(4Бел)
Б95

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 20.12.2012 г.

Составители: доцент кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова
В.Н. Поклонская; заведующий кафедрой литературы
ВГУ имени П.М. Машерова **О.В. Лапатинская**

Рецензент:
заведующий кафедрой белорусской литературы
ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук,
доцент *О.И. Русилко*

Былички Белорусского Поозерья : сборник текстов /
Б95 сост. : В.Н. Поклонская, О.В. Лапатинская. — Витебск : ВГУ
имени П.М. Машерова, 2013. — 74 с.
ISBN 978-985-517-384-8.

Сборник «Былички Белорусского Поозерья» включает в себя такой малоисследованный жанр фольклора, как быличка, который до сих пор широко бытует в Витебском регионе Белорусского Поозерья и который представляет собой уникальную художественную форму. Все тексты оригинальны, они помогут глубже разобраться в народной философии и культуре.

Данный жанр изучен в рамках научно-исследовательских тем: «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (договор № Г 10 РП-009 от 2.05.2010), «Определение социальной роли, закономерностей функционирования языков, литератур, фольклора Беларуси в контексте развития европейской и мировой культуры для дальнейшего совершенствования системы гуманитарного образования и обогащения духовного потенциала современного общества».

Книга адресована студентам, преподавателям-филологам, любителям и знатокам устно-поэтического творчества. Она может быть использована в дальнейшей научной работе студентами филологического факультета, в учебной и воспитательной работе.

УДК 398.2(476.5)
ББК 82.3(4Бел)

ISBN 978-985-517-384-8

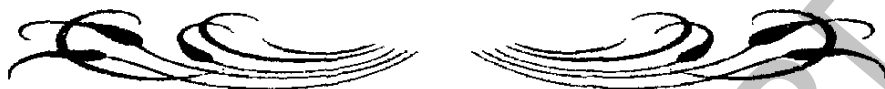
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Поклонская</i> «Живая старина»	4
I. О чертях и всякой чертовщине	9
II. О колдунах, колдуньях и хитрых людях	23
III. О покойниках и душах усопших	35
IV. О леших, водяных, русалках, домовых	49
V. О полтергейстах	62
VI. О добрых духах	64
Словарь устаревших и диалектных слов	66
От составителей	69

*Известному фольклористу
Якову Романовичу Кошелеву
посвящается*

ЖИВАЯ СТАРИНА

Несказочная проза – широко бытующие до сих пор фольклорные жанры: предания, сказы, былички, легенды. В них широко и убедительно представлены различные формы человеческого сознания. И всё же в этой системе текстов устно-поэтического творчества особое место занимают былички.

Былички генетически связаны с мифологическим мышлением, опирающимся на ассоциативно-образную логику, синкретическую картину мира, которая, по сути дела, «...не хочет различать часть и целое, сходное и тождественное, видимость и сущность, имея и вещь, пространство и время, прошлое и настоящее, мгновение и вечность»¹.

Вот почему былички бытовали всегда, они неотделимы от народной жизни, от традиционной культуры восточных славян, соединили в себе дохристианское и христианское начала. К сожалению, былички долгое время не исследовались. Считалось, что эти народные рассказы, повествуя о сверхъестественном, «... не созвучны мировоззрению советского человека»², а также напоминают о сохранившихся в сознании отдельных людей «предрассудках, суевериях»³.

В современной фольклористике интерес к быличкам закономерен, поскольку они переживают период своего возрождения. И здесь удивляться не приходится, ибо с развитием цивилизации и накоплением человечеством огромнейших знаний об окружающем мире он по-прежнему остаётся для нас неозримым, полным тайн и предстоящих разгадок.

Так как состав быличек формировался веками⁴, то их источники могли быть самыми разнообразными. Несомненно одно: в них заложен длительный жизненный опыт народа, его стремление изведать неизведанное, зафиксировать нечто, открывшееся нечаянному взору, в запоминающихся художественных образах. Свидетельство тому – собранный за по-

¹ Мечниковская, Н.Б. Язык и религия / Н.Б. Мечниковская. – М., 1998. – С. 85.

² Померанцева, Э.В. Русская народная проза / Э.В. Померанцева. – М., 1985. – С. 176.

³ Аникин, В.П. Русское народное поэтическое творчество / В.П. Аникин, Ю.Г. Крутлов. – М., 1983. – С. 188.

⁴ Зеленин, Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913 / Д.К. Зеленин. – М., 1994. – С. 94.

следние десять лет (2002–2012 гг.) материал, вошедший в сборник «Былички Белорусского Поозерья». Записи были осуществлены в регионе белорусско-русского пограничья, поэтому есть тексты и на белорусском, и на русском языках. Последние доминируют. Исполнители – люди разных национальностей и разного вероисповедания, разного уровня образования и пола, разных возрастов и профессий. Все 134 (сто тридцать четыре) былички оригинальные, они ранее не включались в фольклорные издания. Что касается их редактирования, то оно осуществлено весьма корректно.

Тексты быличек Белорусского Поозерья подтверждают устоявшееся в науке мнение¹, что былички следует делить на два типа: *былички в форме повествования о том, что пережил рассказчик или кто-либо из его современников недавно*. Например: «Чаго толькі на гэтым свеце не робіцца ... Два тыдні таму назад прыйшла я з лазні і лягла адпачыць. Моладзь пазбягала, хто куды. У хаце засталася адна. Быў канец кастрычніка. Сцямнела. Я задрамала. Раптам хтосьці падышоў да ложка і давай мне пяткі казытаць. Чую, як дышае пры гэтым.

Я паварушыла нагамі, перавярнулася на другі бок. Ляжу, прыслухоўваюся. Ізноў тое ж самае: нечае дыханне, козыт. У дадатак смаленным запахла.

Тут ужо я рэзка прыўзняла галаву, села, перахрысцілася і прачытала: – У руцы Твае, Госпадзі Ісусе Хрысце, Божа мой, аддаю дух мой: Ты ж мя благаславі, Ты мяне памілуй і жылот вечны дай мя. Амін.

Адразу ў пакоі пасвяжэла, і я спакойна заснула»;

былички о пережитом самим рассказчиком, возможно, его родственниками, знакомыми в отдалённом прошлом. Например: «Случилось это давно: мне моя бабушка рассказывала. Так-то.

Жали девки лён у пана. Уже смеркаться стало, а им надо было домой идти мимо старого кладбища. Идут и видят: на кладбище трое в белом сидят на могиле. Выпивают и тихо песни поют. Песни какие-то нездешние, не как у людей. Один из поющих приподнялся и машет рукой: дескать, к нам, девки, идите.

Те, бедные, онемели. Упали на землю. Пошевелиться боятся. А песни все ближе и ближе...

И вдруг, откуда ни возьмись – конское ржанье, топот копыт.

– Вы чего тут разлеглись? – громко прокричал Павел, жених одной из девушек. – Я вас встречать выехал.

Девки едва поднялись, едва отошли от страха. Павлу обо всем доложили. Тот долго смеялся над ними, потому что на кладбище, по его утверждению, никого не было».

Мифологические персонажи, встречающиеся в быличках, многообразны: черти, лешии, водяные, русалки, колдуны и колдуньи, ожившие

¹ Аникин, В.П. Русское народное поэтическое творчество / В.П. Аникин, Ю.Г. Круглов. – М., 1983. – С. 186.

мертвецы, домовые и др. Нам представляется, что данный набор позволяет использовать принцип классификации, который при всей его условности приемлем и для первого, и для второго типа быличек:

1. О чертях и чертовщине (37).
2. О колдунах, колдуньях и хитрых людях (28).
3. О покойниках и душах усопших (34).
4. О леших, водяных, русалках, домовых (28).
5. О полтергейстах (3).
6. О добрых духах (4).

Как видим, преобладающее количество быличек Белорусского Поозерья – в первой и третьей группах, равное количество – во второй и четвёртой, в пятой – всего три, в шестой – четыре. Это подчёркивает специфику народных представлений о характере вмешательства в повседневную жизнь и быт неземной, потусторонней силы. Причём былички о добрых духах нетрадиционные, в них просматривается новая тенденция бытования, столь уникального фольклорного жанра.

Былички (за редким исключением) отличаются краткостью. По структуре они односюжетны. Состоят в основном из двух частей. Композиция обычно начинается с экспозиции, далее идёт завязка, наконец, кульминация и развязка: «Мы з братам пілавалі дровы. У якім годзе, дакладна не памятаю, але гадоў восем-дзесяць прайшло з тых часоў. Жыў ён на адным канцы вёскі, я – на другім. А было гэта ў сярэдзіне жніўня. Выйшаў я ад яго, калі канчаткова сцямнела. Раптам пад ногі мне кінуўся Рыжык:

– Малайчына, сабака, сустрэў. Ведаў, што гаспадару спатрэбішся. Вядзі дадому!

Рыжык чамусьці аббег вакол мяне, і я рушыў услед за ім. Ішоў хвілін дзесяць-дванаццаць. Пара б і да хаты дабрацца. Але бачу: месца незнаёмае, аж не па сабе стала... Паклікаў Рыжыка. Замест яго перада мной, крокі за тры, апынуўся велізарны сабака, вочы ў цемры гараць, панча ашчэраная і такі смурод ад яе – нават дыхаць няма чым. Тут ужо я зусім разгубіўся. Не памятаю, як стукаў у чыёсьці вакно. Гаспадары спалі, але адчынілі, выслухалі мяне і пакінулі занадваць.

Атрымалася: патрапіў я ў суседнюю вёску. І нават не п'яны быў, паверце».

Установка на достоверность, с одной стороны, и на неопределённость, вызывающую мистический ужас, – с другой, обеспечивает быличкам постоянство в системе образов: рассказчик (он пассивен), сверхъестественная сила (она активна). Их «портреты» отсутствуют, а если появляются, то ограничиваются отдельными штрихами: «Муж-інвалід»; «Он бодр, ясен умом. Говорит, что так и положено ему, человеку военному»; «Звалі яго Грак, што быў ён чорны: і валасы, і вочы»; «Лицо старухи поросло седым волосом, подбородок заметно выдавался вперёд»; «Приближается в ступе существо. В руках помело, волосы длинные, зубами шёлкает»; «Нос у

нябожчыцы адгрызены, вачніцы пустыя»; «Перада мной была нейкая істота: на дзвюх нагах, рукі доўгія, пальцы каствявыя, нос маленькі, рот вялікі, усё цела пакрыта поўсцю».

Хронотоп быличек Беларускага Поозер'я таксама ўкладваецца в абышчэпрынятыя рамкі: лес, поле, болота, вода, кладбішча, дом, баня і т.д., чэму супутствуюць ночь і сумеркі. Отсюда пейзаж в них не совсем чёткий, зловешний. Картины природы усиливают эмоциональный настрой, а порой и трагизм ситуации, безысходность: «Затарылі мяхі – і да вады. Муж наперад, я – за ім. Але куды ні сунемся, усюды глыбока. Бо нядаўна тут вось пераходзілі, сумненняў няма! Цяпер жа вада бурліць, зацягвае ў якуюсьці варонку»; «Вокруг темно. Ни души, а у меня волосы на голове от страха шевелятся. Не знаю, что делать! К лошади подходит боюсь. Чувствую, колёса подо мной начали прыгать, что-то затрещало. – Ух-ух-таки-ух-ха! – послышалось слева»; «Прышлося майму мужу ехаць верхам на кані каля могілак. Ужо змяркалася. Едзе ён і бачыць: над магілай Паўрубля стаіць зялёны шар. Раптам ён падымаецца ды плыве, ды так хутка, што амаль наганяе вершніка ...

Той не разгубіўся, спешыўся і нырнуў у прыдарожны хмызняк. Конь спачатку вёў сябе вельмі неспакойна, потым прысмірэў.

Калі хвілін праз дзесяць-пятнаццаць муж паскакаў далей, кусты, пад якімі яму ўдалося схаватца, пачарнелі»; «Темно, хоть глаз выколи. Ветрено. Конец ноября. Видит: слева от дороги – огоньки. Обрадовался Никифор Петрович. Пошёл навстречу.

– Давно тебя дожидаюсь, милейший! – сказал мужик, протягивая Глазкову руку. – Знал, что поздно возвращаться будешь. Дай, думаю, покаляю с ним.

А сам – в чём мать родила. Глаза блестят, вместо руки – копыто. Дальше Никифор Петрович ничего не помнит...».

Быличкам прысуц момэнт вэзапнасьці, калда в рэальнай абстаноўке раскрываецца што-то ошэломляючэе, но не вымышленнае, а дзействительна, свэрхъэстэствэннае: «Вэраснёўскім днём адзін рыбак падпіўшы вяртаўся дадому. Імжыла. Злева ад дарогі, да ракі, быў круты абрыў. Адразу нешта зашумела, загуло і ён убачыў вялізную чорную птушку. Яна пралятала над ім, узмахваючы шырокімі крыламі і спрабуючы скінуць яго з абрыву. Ён лёг на зямлю і пачаў чытаць: «Ойча наш ...». Птушка паляцела»; «Муж покойный начал ходить ко мне каждую ночь. Обещал подарки приносить, как какой-то «срок» выйдет.

Накануне велел мне перед его приходом лечь в кровать. Я же замёрзла на ферме и, хотя кровать-то приготовила, всё же до него прилегла на печку. Слышу – идёт, открыл дверь, и вдруг лицо его изменилось. Глаза налились кровью, губы раздулись, лоб взбурился.

— Что догадалась, Марья. На печь забралась. Тогда пососи мой палец! Он сунул его в мои губы. Гляжу: это не палец, а гвоздь. Муж сразу пропал, я же не помню, как убежала».

Важно, что происходящее в быличках постоянно удостоверяется очевидцами, ссылками на свидетелей, на вещественные доказательства и прикреплённость к определённой местности: «Гэту гісторыю я пачула ад сваёй мамы»; «Моя бабка Варвара рассказывала мне, что в Зарянском озере в тридцатые годы затонула церковь»; «В прошлом году, накануне Дедов, я легла спать как обычно со своей сестрой Анютой»; «В Пальминке Авдотью Подкорытову никто из соседей не жаловал. Поэтому старались с ней не связываться»; «Было мне тады пятнаццать гадоў. Памятаю ўсё да драбнючкіх падрабязнасцяў, быццам гэта ўчора здарылася»; «В то утро бабушка Таня разбудила внука пораньше, чтобы оправить с пастухом в поле. Налила в бутылку молока, к ней добавила две картофелины, выдернула луковицу»; «У Білева памёр Косця Самахвалаў»; «Жили у нас в Мулярах муж с женой. Жили дружно, троих деток воспитывали».

И хотя таинственность содержания быличек Белорусского Поозерья придаёт им особую остроту и драматизм, эта живая старина органично сочетается в вымысле выразительность и пластичность. Перечитывая былички, нетрудно убедиться, что в лучших своих образах они составляют непреходящую ценность современной народной культуры.

Изучение жанра быличек осуществлялось в рамках научно-исследовательских тем: «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (договор № Г 10 РП-009 от 2.05.2010), «Определение социальной роли, закономерностей функционирования языков, литератур, фольклора Беларуси в контексте развития европейской и мировой культуры для дальнейшего совершенствования системы гуманитарного образования и обогащения духовного потенциала современного общества», а также во время фольклорных практик студентов 1 курса филологического факультета (специальность «Русская филология»).

Сборник «Былички Белорусского Поозерья» адресован студентам филологического факультета, занимающимся исследованием устного народного творчества Белорусского Поозерья, и преподавателям-филологам, любителям и знатокам поэтического творчества.

Эта книга может быть использована в учебной и воспитательной работе как со студентами, так и со школьниками.

Валентина Поклонская

І. О чертах и всякой чертовщине

1

Цяжка у такое паверыць, але што было, тое было. Прыгледзілі мы з мужам невялікую палянку на беразе рэчкі. Вырашылі познім вечарам, каб ніхто не ўбачыў, яе выкасіць, а траву ў мяшках перанесці дадому. Тады, у 1952 годзе, за гэта можна было вельмі дорага паплаціцца! Але жыць – то трэба. У нас – пяцёра дзяцей. Муж – інвалід. Вось і рызыкнулі.

Рэчка мелкая, перайшлі яе ўброд і ўзяліся за справу. Месяц нам дапамагае. Управіліся хутка. Затарылі мяхі – і да вады. Муж наперад, я – за ім. Але куды ні сунемся, усюды глыбока. Бо нядаўна тут вось пераходзілі, сумненняў няма! Цяпер жа вада бурліць, зацягвае ў якуюсьці варонку.

Паспрабавалі перабрацца на другі бок без мяхоў. Тое ж самае. Пакутавалі і адступіліся. Селі перадыхнуць і раптам чуем, як недалёка ад берага нехта стогне:

– Вух, вух, ах, ахці – а – а – а!..

І так некалькі разоў. У паніцы мы так-сяк сабралі свае пажыткі і бягом да моста. Больш на палянку не вярталіся.

2

Гэта было зусім нядаўна. У Білева памёр Косця Самахвалаў. Усім п'яніцам п'яніца. Ніхто яго па імені не клікаў, а казалі:

– Вунь зноў Паўрубля ідзе! Гэта таму, што ён у кожнага сустрэчнага абавязкова прасіў:

– Дай паўрубля да заўтра!

Пасля яго пахавання здавалася, што ў Білева нават паветра стала свяжэй. А неўзабаве здарылася наступнае. Прышлося майму мужу ехаць верхам на кані каля могілак. Ужо змяркалася. Едзе ён і бачыць: над магілай Паўрубля стаіць зялёны шар. Раптам ён падымаецца ды плыве, ды так хутка, што амаль наганяе вершніка...

Той не разгубіўся, спешыўся і нырнуў у прыдарожны хмызняк. Конь спачатку вёў сябе вельмі неспакойна, потым прысмірэў.

Калі хвілін праз дзесяць-пятнаццаць муж паскакаў далей, кусты, пад якімі яму ўдалося схвацца – пачарнелі.

3

Чаго толькі на гэтым свеце не робіцца ... Два тыдні таму назад прыйшла я з лазні і лягла адпачыць. Моладзь пазбягала, хто куды. У хаце засталася адна.

Быў канец касгрычніка. Сцямнела. Я задрамала. Раптам хтосьці падышоў да ложка і давай мне пяткі казытаць. Чую, як дышае пры гэтым.

Я паварушыла нагамі, перавярнулася на другі бок. Ляжу, прыслухоўваюся. Ізноў тое ж самае: нечае дыханне, козыт. У дадатак смаленым запахла.

Тут ужо я рэзка прыўзняла галаву, села, перахрысцілася і прачытала:

– У руцы Твае, Госпадзі Іісусе Хрысце, Божа мой, аддаю дух мой: Ты ж мя благаславі, Ты мяне памілуй і живот вечны дай мя. Амін.

Адразу ў пакоі пасвяжэла, і я спакойна заснула.

4

У Еўдакіі Куранковой (пазнаёміліся і пасябравалі мы ў гады вайны: былі сувязнымі ў партызанскім атрадзе) памёр у 1979 годзе муж. Свайго Мікалая Ягоравіча яна сустрэла вясной 1945 года ў Празе, і з таго часу, здаецца, ні на адзін дзень муж і жонка не расставаліся. Выгадалі траіх дзяцей. Цяпер хто – дзе: старэйшы сын у Маскве, малодшы – у Мінску, а дачка – зусім ужо далёка, на Сахаліне жыве. Так што засталіся пад старасць ўдваіх.

Пахавалі Мікалая Ягоравіча, як ён прасіў. Ды і не магла па-іншаму паступіць Еўдакія. А прасіў ён незадоўга да смерці пакласці яго ў труну, як Леніна, каб рукі ўздоўж цела ...

Прайшло дзевяць дзён. І вось кожную ноч Мікалай Ягоравіч пачаў з'яўляцца жонцы. Прыйдзе ўначы, сядзе за стол, выцягне на ім рукі, а яны белыя-белыя, і паўтарае:

– Пакармі мяне, Еўдакія, пакармі мяне, пакармі!

Спачатку яна нікому пра гэта не расказвала. Нават радавалася сустрэчам з мужам. Потым стала заўважаць, што хутка худнее. Тыдні праз два ледзь на нагах трымалася. Падзялілася сваім горам са мной. Цяжка было ва ўсё гэта паверыць, але, ведаючы Еўдакію, зразумела: кепска ёй. Так і розуму можна пазбавіцца!

Схадзілі ў царкву.

– Не муж вас наведвае, а чорт спакушае, – сказаў святар. – Усё гэта дэманскае насланне. Маліцеся аб нябожчыку. Ды даруюцца грахі яго. А кватэру святой вадой акрапіце.

Еўдакія зрабіла так, як ён параіў. З тых часоў нічога падобнага не паўтаралася.

5

Мы з братам пілавалі дровы. У якім годзе, дакладна не памятаю, але гадоў восем-дзевяць прайшло з тых часоў. Жыў ён на адным канцы вёскі, я – на другім. А было гэта ў сярэдзіне жніўня. Выйшаў я ад яго, калі зусім сцямнела. Раптам пад ногі мне кінуўся Рыжык:

– Малайчына, сабака, сустрэў. Ведаў, што гаспадару спатрэбішся. Вядзі дадому!

Рыжык чамусьці аббег вакол мяне, і я рушыў услед за ім. Ішоў хвілін дзесяць-дваццаць. Пара б і да хаты дабрацца. Але бачу: месца незнаёмае, аж не па сабе стала ... Паклікаў Рыжака. Замест яго перада мной, крокі за тры,

апынуўся велізарны сабака, вочы ў цемры гараць, пашча ашчэрная і такі смурод ад яе – нават дыхаць няма чым. Тут ужо я зусім разгубіўся. Не памятаю, як стукаў у чыёсьці вакно. Гаспадары спалі, але адчынілі, выслухалі мяне і пакінулі занаважаць.

Атрымалася: патрапіў я ў суседнюю вёску. І нават не п'яны быў, паверце.

6

Увосень наш невялікі партызанскі атрад выйшаў з лесу да поля, дзе ўжо абсыпалася жыта. Конь раптам спыніўся. Перада мной была нейкае істота: на дзвюх нагах, рукі доўгія, пальцы кастлявыя, нос маленькі, рот вялікі, усё цела пакрыта поўсцю. Гэта чалавекападобная істота выбірала збожжа з каласоў і закідвала іх у рот. Ubачыўшы людзей, яна са страшным крыкам кінулася на нас. Ад нечаканасці мы расступіліся, а чалавекападобная істота, некалькі разоў падскочыўшы, паднялася ў паветра і знікла.

7

Баня, она и есть баня. Человек ходит туда очиститься телом и духом. Вот почему баня – место необычное. За полночь там нечего делать. Не нами заведено. Напрасно хорохориться!

Совсем недавно, по осени, у Нины Ивановны Скоковой из Витебска нагрянул сын с женой и дочкой. То да сё, заговорились. А у неё баня вытоплена была. Двенадцатый пошёл, когда про неё вспомнили. Дочка к этому времени уснула, жена, сославшись на усталость, чтобы не огорчать свекровь, объявила:

– Я утром лучше в теплой баньке освежусь.

Виталик же ни в какую. Пойду, да и всё.

– Попарюсь, – говорит, – что-то шея беспокоит, как заклинило.

– Знамо, попарься, сынок, – согласилась мать. – Белье прихвати, не забудь! Остальное, что надо, найдешь в бане.

Жена прилегла отдохнуть. Ждёт-пождёт Нина Ивановна, нету Виталика. Уж больше часа прошло! Накинула платок, вышла на крыльцо: он на ступеньках лежит! Закричала в голос, всех в доме всполошила. Виталика внесли, срочно вызвали по телефону медсестру. Та прибежала, сделала укол. Немного он отошел, раздышался.

Утром, оправившись окончательно, рассказал:

– Моюсь это я. Даже не успел, блин, пару поддать – за спиной голос:

– Дай-ка спину потру!

И ну тереть, никак не вырвешься. Вокруг дым, пахнет копотью. Бросился на пол, кое-как ползком выбрался в предбанник, шепчу:

– Господи, Царица Небесная, пропадаю.

Белье натягиваю, в бане – хохот, вой. Я на улицу, но до дома, как видите, не дошел.

8

Недалеко от нашей деревни Межа есть место: стоит там оказаться, что-нибудь да случится. К примеру, забредут туда овцы, коровы, жди – сдохнут. Со-

баки его стороной обходили. Если кто-то верхом проезжал, то конь останавливался, ни шагу вперёд!

И вот сразу после войны прислали к нам председательствовать Никифора Петровича Глазкова. Человек партийный, долго партизанил. Ясно: ни в Бога, ни в чёрта не верил.

Едет он однажды из района – лошадь ни с того, ни с сего заартачилась. Он и так, он и сяк. Ни в какую! Как вкопанная! А темно, хоть глаз выколи. Ветрено. Конец ноября. Видит: слева от дороги – огоньки. Обрадовался Никифор Петрович, что попутчики нашлись. Пошел навстречу. Лошадь в это время дико заржала и понеслась.

– Давно тебя дожидаюсь, милейший! – сказал мужик, протягивая Глазкову руку. – Знал, что поздно возвращаться будешь. Дай, думаю, покалякаю с ним.

А сам – в чём мать родила. Глаза блестят, вместо руки – копыто. Дальше Никифор Петрович ничего не помнит...

Когда лошадь примчалась вся в мыле, конюх Тарас сообразил, что стряслась беда. Нашёл он председателя колхоза на обочине дороги, тот беззвучно плакал, молился Богу.

9

В молодости все глупые, поскольку жизни ещё не знают, зато думают, что держат её, как говорится, за бороду. Оттого и случаются всякие несуразности.

Наверное, нам лет по тринадцать – четырнадцать уже было, когда мы решили себя так потешить: в полночь собрались в бане, натянули белую нить от двери до потолка и Андрюха Скворцов начал повторять шепотом:

– Чертик, чертик, появись,

Чертик, в ножки поклонись...

Вдруг что-то упало на крышу бани, она наполнилась смрадом, послышался треск, посыпались искры. И тут, куда делась наша самоуверенность? В панике мы выскочили из бани и разбежались, кто куда!

Утром мы заметили, что Андрюха Скворцов стал заикаться. С тех пор он так и остался заикой.

10

В Смолровке в 20-е годы жила семья Кузнецовых. Жили не бедно, двух работников держали. Поговаривали, что дед Кузнецовых, Пафнутий, в молодости был старателем, золотишко имел. А как помирать стал, то решил его закопать. Вырыл под овинком ямку и говорит:

– Кому золото отказать?

Сын Пафнутия, Василий, случайно увидел, как отец золото прячет, и прошептал:

– Золото мне, а горшок пусть хоть чёрту достанется.

Умер отец, откопал Василий клад, доволен. Только через три дня после этого видит сон: является к нему некто с рогами и спрашивает:

– Когда мне горшок отдашь?

И так стало повторяться каждую ночь. Только сомкнёт глаза, слышит:

– Отдай горшок, отдай горшок, отдай горшок... Коли нет горшка, отдай золото!

Вся беда в том, что горшок-то Василий, вспешке откапывая золото, разбил. С месяц мучился мужик. Наконец, пошел к овину и на прежнее место закопал золото. Больше его никогда не трогал.

11

Михаилу Петровичу восемьдесят пять лет. Но он бодр, ясен умом. Говорит, что так и положено ему, человеку военному. Ничего и никого он не боится. Правда, есть одна история, которую он не любит вспоминать и о которой знает только его жена Елена Владимировна.

А случилось это лет двадцать тому назад. Ещё жива была тёща Михаила Петровича и жила она в деревне Заря. Как-то летом Елена Владимировна поехала её навестить да и загостилась у родной мамочки. Ждал её Михаил Петрович и надумал сам съездить за супругой. Выехал под вечер, сошёл с автобуса и решил два километра пройти пешком. Вечерело. Накрапывал дождь. Проходя мимо погоста, он заметил на дороге яйцо. Михаил Петрович слегка тронул его носком сапога. И вдруг оно подпрыгнуло вверх метра на три и упало на дорогу. Отчего-то Михаилу Петровичу стало не по себе. До тёщиного дома он бежал без оглядки. А когда замешкался, открывая калитку, увидел, что яйцо у его ног. Вдруг оно опять слегка подпрыгнуло и покатилося обратно.

12

Моя бабка Варвара рассказывала мне, что в Зарянском озере в тридцатые годы затонула церковь. С тех пор около него что-нибудь да происходит...

Так, наш сосед, Андрей Иванович, в позапрошлом году вёз мимо озера воз сена. Какой-то старичок в балахоне прыг к нему на воз. Почти до дома его сопровождал. Андрей Иванович был так встревожен, что вскоре заболел и умер. А перед смертью всё странного старичка в балахоне к себе требовал.

13

Нечистая сила часто потешается над пьяными. До смерти довести может. Случай был такой. Один мужик то ли на свадьбе, то ли на новоселье в соседней деревне изрядно выпил и шёл домой в Смолокуры. Идёт, а навстречу ему парни с девками. Весёлые, приплясывают, в круг его затащили, кричат на ухо:

– Дорогая сватья доведёт до хаты, чтоб уснул ты на перине, под боком у жены Ирины.

Чудится мужику, что так они и сделали. Даже в постель ещё стопочку самогону подали.

Очнулся утром. А он в болоте. Место незнакомое, глухое.

14

В прошлом году мы до октября жили на даче. Погода стояла отличная: сухо, в полдень 17–19 с плюсом, а лес-глаз не отвести.

Однажды с соседкой засиделись на лавочке часов до двенадцати.

– Клава, посмотри, что это? – испуганно сказала она, указывая пальцем на небо.

Я подняла голову и ахнула: по небу медленно плыл красноватый шар, казалось, что он плыл довольно низко. От него во все стороны сыпались искры. Причем плыл он как-то по-особенному: чуть остановится, а потом – дальше. Когда он останавливался, то был почти багровым.

Недалеко от наших дач находилось кладбище. Шар завис над ним и рассыпался.

15

Моя мама рассказывала (а ей об этом рассказывала ее мама), что в Сенно на одной из улиц было такое место: кто туда ступит ногой, упадет.

Каких только историй там не случалось: однажды какой-то заезжий генерал оконфузился, даже жених пострадал, а гимназистка рассудка лишилась... Во время Великой Отечественной войны Сенно не раз бомбили, от той улицы не осталось и следа. Видимо, то лихое место тоже приняло удар на себя. Где оно сейчас, никто не знает.

16

Святки были на исходе, когда моя подруга Варенька Подкорытова надумала погадать, своего суженого увидеть. Бабка Матрена рассказала нам, как они в старину ворожили, уточняя, что это делать надо непременно в бане. Она же дала Вареньке все необходимое: два зеркала, блюдо, свечу. Мы остались с бабушкой Матреной в хате, а Варенька по только что расчищенной от снега дорожке отправилась в холодную баню.

Поставила два зеркала, наполнила блюдо водою, зажгла свечу и стала ждать суженого. Наступила полночь. Слышит: кто-то за ее спиной сначала хихикнул, потом неприятно запахло серой. Варенька старалась ни о чем не думать, ничего не замечать. Она напряженно смотрела в зеркала. Однако шум за спиной усиливался, Варенька не выдержала, обернулась и – обомлела. В бане черти устроили настоящий содом. Она потеряла сознание.

17

Есть на свете такой папоротник, который цветет в ночь под Ивана Купалу. Кто его сорвет, тот обретет огромную власть над окружающим миром.

Цветет тот папоротник оранжевым венчиком. И когда этот венчик начинает раскрываться, около него собирается всякая нечистая сила: гукает, ахает, плачет, смеется, пляшет. Если кого из людей заметит около цветка, защекотать может. Коли нашел распускающийся венчик цветка папоротника, будь и терпелив, и отважен. Жди, пока он распустится окончательно, но знай, что злая сила тоже этого момента ждет. Опереди ее! Распустившийся венчик сорви и съешь.

Молодежь теперь ни во что не верит, а напрасно. В прошлом году я протопила баню, все засветло помылись. Только Игорек припозднился. Засиделся с друзьями. Я ему говорю:

– Уже полночь. Нечего в баню ходить. Утром помоешься. Она к тому времени не остынет.

Нет, он не прислушался к моим словам. Пошел. Не хотелось ему рано с постели вставать. Любит понежиться. Минут через пятнадцать возвращается. Бледный, зуб на зуб не попадает. Еле успокоился.

Оказывается: только он разделся, присел на полок, как банька зашаталась, послышался сначала шопот, потом смешки, и вдруг на него кто-то навалился и начал щекотать. Стало невмоготу.

И тут-то Игорек успел осенить себя крестом. В этот момент дверь бани распахнулась – он опрометью бросился бежать...

Помнится: году в шестидесятом мы отправились на охоту. Мы – это я, Степан и Николай, жившие по соседству. Вышли из Смолówki затемно. Забредли далеко, и все попусту. Решили зайти к знакомому леснику. К нашему огорчению, его домик был наглухо заколочен. Осенний день короток. Не заметили, как подкрался вечер.

– В Смолówку не стоит идти, – сказал Степан. – Заночуем лучше где-нибудь здесь, а раненько – вся дичь нам достанется. Мы с ним согласились.

Выбрали сухое место, расположились на ночлег. Когда начали разжигать костер, ничего не получалось. Огонь не разгорался. Промучившись с ним часа полтора, без кипятка съели хлеб с салом и, тесно прижавшись друг к другу, легли спать. Вдруг кто-то дернул меня за ногу. Я вскочил. Никого не было. Степан и Николай уже храпели. Лег снова. Гляжу: вскочил Степан. Озирается. Вновь ложится. Не спит. Вот и Николай поднялся, с недоумением смотрит по сторонам. Я окликнул их. Дело в том, что моих друзей тоже кто-то дернул за ногу.

Послышался шорох, а потом довольно внятные слова:

– Разлеглись на дороге. Освободите ее!

Мы мигом оказались на ногах. И каждый из нас ясно услышал храп коней, голоса людей и смех. Однако вокруг было пусто...

Адбылося гэта ў пачатку 50-х гадоў. Вераснёўскім днём адзін рыбак падпіўшы вяртаўся дадому. Імжыла. Злева ад дарогі, да ракі, быў круты абрыв. Адразу нешта зашумела, загуло і ён убачыў вялізную чорную птушку. Яна пралятала над ім, узмахваючы шырокімі крыламі і спрабуючы скінуць яго з абрыву. Ён лёг на зямлю і пачаў чытаць: «Ойча наш ...» Птушка паляцела. Калі рыбак распавёў пра гэта яму не паверылі. Аднак неўзабаве і іншыя людзі не раз бачылі гэтую птушку недалёка ад абрыву.

21

На канцы вёскі Пруднякі калісьці стаяў стары з сенам хлёў. Усе імкнуліся абыйсці яго бокам, таму што хадзілі чуткі, што там жыве нехта нябачны. Адноўчы пасля рыбалкі зайшлі туды рыбакі. Стомленыя, яны паляглі спаць. Толькі задрамалі, а з іх адзенне пачалі сцягваць. Падхапілі яны свае пажыткі і бегчы ... Знаходзіліся ў вёсцы смельчакі, якія таксама рабілі спробу пераначаваць у гэтым хляве, але з імі адбывалася тое ж, што і з рыбакамі. Як быць? Параіліся мужыкі з царкоўным старацам, пасля чаго сянны хлёў спалілі.

22

У двух кіламетрах ад вёскі Бікатава ёсць горка. Распавядаюць, што даўным-даўно на ёй быў пагост. Зараз пра яго нічога не нагадвае: няма ні крыжоў, ні помнікаў. Аднак на гэтай горцы часам што-небудзь ды здараецца. У годзе пяцьдзясят другім ехаў у Бікатава на «Пабедзе» першы сакратар райкама. Лета, сенажаць у разгары, а на горцы шмат людзей. Танцуюць, веселяцца. Ён у праўленне калгасу, да старшыні:

– Што гэта ты за свята наладзіў? Знайшоў час!

– Ведаць нічога не ведаю. У мяне ўсе калгаснікі на працы, – абурыўся старшыня.

Паехалі разам на горку. Там усё ціха, ніякіх прыкмет таго, што першаму сакратару райкама здалася. Вярнуліся ў Бікатава. Першы пабываў на сенажаці, на ферме. Застаўся задаволены.

Калі ж пад вечар ён вяртаўся ў раён, то на горцы, на яго здзіўленне, паранейшаму было шмат людзей, якія танцавалі і весяліліся. Пра гэта ён потым распавёў нашаму старшыні на чарговай нарадзе.

І такія сцэны тады часта паўтараліся, пра гэта казалі не раз, хто прыязджаў у Бікатава. Як даедуць да горкі, здаецца, што на ёй народ весяліцца.

23

Перед войной моему брату, Петру Садкевичу, купили велосипед. К тому времени он закончил девять классов и перешел в десятый. Учился Петя хорошо, летом с отцом пропадал в кузнице. И лишь в субботу или в воскресенье позволял себе сходить в клуб. Все девчонки были в него тайно влюблены, хотя он ни к одной из них не проявлял особого интереса и даже ни с одной из них не целовался.

– Гордец кузнец, – шептались они, завидев его.

Было начало июня. Солнечно и жарко. На новеньком велосипеде Петя ехал в Оршу. Дорога вилась меж высоких хлебов. Он спешил: хотелось купить учебники и к вечеру вернуться домой. Обещал отцу помочь с утра отремонтировать косилку.

Перед ним, как из-под земли, выросла девушка. Босая, с распущенными длинными волосами, в белом платье.

– Давно тут жду тебя, – сказала она. – Привези мне из Орши ленточку. Видишь: волосы по плечам рассыпались. Надо косы заплести.

– А кто ты такая? – спросил ее Петя. – Я тебя в Ломачино ни разу не видел.

– Что ж, что не видел. Из ваших я. Поезжай, ждать буду.

Петя приехал в Оршу. Купил учебники и неожиданно встретился с Ленькой Жигулевым. Два года тому назад он окончил семилетку и теперь учился на агронома. Ленька пригласил Петю в общежитие, познакомил с друзьями, и они все вместе пошли его провожать.

Расставшись с Ленькой и его веселой компанией, Петя усиленно крутил педалями, чтобы засветло добраться до Ломачино.

– А я все жду тебя, – услышал он знакомый голос. – Ленточку привез? Петя вспомнил о просьбе, и ему стало стыдно. Как он мог забыть об этом.

– Ну что ж... Я почти знала, что не купишь. Видно, не судьба. Так тому и быть.

Она побледнела, губы посинели, подняла руку, махнула ей и куда-то пропала. Лицо, рубашка, брюки у Пети были забрызганы кровью. Через несколько недель немцы взяли Оршу. Петя тогда же и погиб.

24

Я не могу не верить в чудеса. Вот что со мной приключилось в январе 1953 года.

Накануне к нам из соседней деревни послали сватов. Мне исполнилось двадцать лет, пора замуж. Особой любви не было, да и влюбляться-то некогда было: с утра до вечера на ферме. Устанешь, намерзнешься – не до любви.

Просватали меня за тракториста Николая Долгушина. Парень непьющий. Отслужил армию. Рассказывал, как в Москве у мавзолея на посту стоял. Подарил и маме, и мне по отрезу на платье. Дал немного денег, чтобы к свадьбе готовились.

Жених и сваха уехали, а мы с мамой для надежности не только закрыли дверь на замок, но и подперли ее ломиком. Ведь такого богатства до сих пор в нашей избе не было.

Легли спать. Мама на печке, я на кровати. На улице мороз, стекла в расписных узорax. Полнолуние.

Только задремали, вдруг зашумело, загудело, поднялся вой и визг. Стало так страшно, что я онемела. Не помню, как на печке, рядом с мамой, оказалась. Прижались друг к другу, и давай она молитву читать.

Посередине избы что-то ударилось об пол, раздался звон разбитого стекла и вздох. Потом все стихло.

На печке мы пролежали до рассвета. К нашему удивлению, дверь оказалась запертой. В избе же – никаких изменений, все на своем месте.

25

Говорят, что есть в году дни, когда вся нечисть собирается. Колдуны и колдуньи, голые, отвратительные в своем уродстве, летят на шабаш, к дьяволу. Вот уж тут-то они беснуются, друг у друга всякой скверне учатся, чтобы дьяволу угодить.

В такие дни спать нельзя, чтобы нечисть порчу не наслала. И уж, конечно, не следует быть вблизи самого шабаша: попадешься – всю кровь выпьют, косточкам покоя не дадут, душу постараются испоганить.

Не скажу, что со мною произошло что-то необычное. Все же в чудеса верю. И даже помню один случай, который до сих пор объяснить не могу. Летом 1964 года мы с отцом на телеге отправились в деревню к бабушке. Ехать было всего семь километров. Лошадка топала весело, отцу даже понукать ее не пришлось. Прямо за городом – небольшая ложбинка, за ней ручеек. Вода в нем чистая, холодная, потому что ключевая.

Когда мы подъехали к ручью, то увидели черного козленка. Он сам подбежал к нам. Отец почему-то решил, что козленок как раз из деревни, куда мы едем. Я вытащила кусочек хлеба, протянула ему. Он даже не понюхал его, а как-то странно замотал головой.

Отец ловко подхватил козленка и опустил в телегу. Лошадь не трогалась с места. Пришлось ее понукать. Но сколько отец ни старался, она стояла, как вкопанная. Измучившись, он взял козленка, положил его на траву, и телега сразу запыхала по дороге.

Когда мы проехали метров десять, я оглянулась – козленка нигде не было.

Я часто думаю, почему год от году увеличивается число пьяниц. Послушаешь: там пьют и там пьют. Раньше у нас, в Беларуси, на три-четыре деревни приходился один пьяница. Обычно его знала вся округа.

– Напился, Николай, ему хоть сколько подавай!

– Николай с утра пьян – всегда пуст его карман!

– У нашего Николая – доля такая, – покачивая головами, говорили о нем сельчане.

Николай Булавин овдовел рано. Ходили слухи, что он любил свою Наталью, которая умерла во время родов, оставив ему сына Никиту. Никита рос с бабушкой. Отца видел редко. Тот поначалу навещал его, кое-что покупал, а потом о нем совершенно забыл.

– Приласкал бы ребенка-то, – напоминала Николаю мать. – Сын ведь. Родная кровинушка. Но он безразлично смотрел на Никиту, все чаще в его голове крутилась мысль:

– Если б не он, была бы жива Наталья.

Пить Николай начал с ее похорон, дальше – больше. Не заметил, как спился. Когда-то ухоженный заботливыми руками Натальи дом был пуст, грязен. О том, что в нем кто-то обитает, напоминало сваленное в углу тряпье, небольшой ящик, видимо, приспособленный под стол, и старый табурет.

На этот раз мать Николая, не видевшая сына полтора года, решила навестить его сама. Едва переставляя больные ноги, она и Никитка все же добрались до окраины села. Двери были открыты настежь. Николай валялся в углу комнаты, которая когда-то считалась спальней.

– Чего приперлись? Посмотреть на меня? Не до вас мне! Тошно! Выпить хочу! – едва приподнявшись на локоть, закричал он. Мать, прижав к себе Никиту, стояла в оцепенении.

– Пойдите вы к черту! К черту пойдите, слышите? К черту, к черту! – повторял хрипло Николай, упав лицом в лохмотья.

Когда с ним прошла истерика, ни матери, ни сына в комнате не было. Их не был нигде, никто их больше не видел, они бесследно пропали...

28

Еще затемно бригадир Захар Сиротский отправил нас, четырнадцати-шестнадцатилетних девчат, мять лён. Сначала мы все разместились в телеге, но лошаденка попала тощая, маленькая, пришлось троим (мне, Катерине и Наталье) идти пешком, следом за телегой.

На выезде из Муляров, рядом с домом Маскалевых, стояла банька. В ней давно никто не мылся. Однако все мы слышали стук, голоса, плеск воды и насторожили уши. Лошадь остановилась, перебирая ногами. Нам стало страшно, очень страшно.

Вдруг у Бородько (что на другом конце деревни) запел петух, за ним в разных концах раздались другие голоса. Из бани неожиданно начали выскакивать голые мужики, бабы. Они исчезали в утреннем тумане...

Наша лошадь слегка заржала и пошла по дороге. Мы за ней.

29

Жили мы тогда еще под Польшей, каждый занимался своим хозяйством. Никаких колхозов и в помине не было.

Тогда-то в Мулярах, на самом краю деревни, познакомилась я с Иваненко Григорием, довольно зажиточным мужиком. Держал Григорий мельницу и маслобойку. Но беда подстерегла его: не успел до войны жениться, а с нее, проклятой, пришел калеккой. Все лицо осколками изуродовано.

Наконец, согласилась выйти за Григория замуж Клавдия Божевко, девушка из хорошей семьи, видная, но своенравная. Вскоре у них родилась дочка, черноглазая, живая, смышленная. Назвали Настенькой. В доме мужа Клавдия быстро все прибрала к своим рукам. С Григорием особенно не церемонилась, свекровь же, кроме как старой ведьмой, иначе и не называла.

Вот однажды она протопила баню. Отправила в первый пар Григория, а сама со свекровью и Настей решила помыться потом.

– Пусть банька выстоится, – решила она. Да и Настеньке в ней легче будет.

Пока то да сё – уже сумерки. Григорий прилег отдохнуть, а бабы с девочкой подались в баню. Свекровь минут через пятнадцать выскочила в предбанник, оделась и побежала в дом сказать Григорию, чтобы он забрал Настеньку, поскольку у нее, у свекрови, разболелась голова.

В это время, завернув в теплое одеяло Настю, Клавдия открыла дверь в предбанник и крикнула:

– Где ты, старая ведьма? Забери ребенка!

Чьи-то руки ловко подхватили Настю.

Когда Григорий пришел в баню, то Клавдия сидела на полке, парилась. Настеньки нигде не было. Ее так и не нашли...

30

Хотите верьте, хотите нет, но так все было. Ехал я в телеге ночью домой. Дорога шла через мост. Вдруг перед ним моя лошадь остановилась. Я увидел, что она выпряжена.

– Странно, как это она смогла, – подумал я.

Запряг ее и поехал. Лошадь опять встала. Вижу: она опять выпряжена. Стоит и ушами стрижет. Впряг ее второй раз. Только сдвинулась с места телега, лошадь громко заржала, забила ногами и – выпряглась...

Вокруг темно. Ни души, а у меня волосы на голове от страха шевелятся. Не знаю, что делать! К лошади подходить боюсь.

Чувствую, колеса подо мной начали прыгать, что-то затрещало.

– Ух-ух-таки-ух-ха! – послышалось с левой стороны.

Сердце замерло. Но тут пропели первые петухи. Стало тихо-тихо.

Вскоре я был дома.

31

Однажды мой отец ехал по лесной дороге. Солнце закатилось, но было душно, будто перед дождем.

Вдруг лошадь, которая трусила довольно резво, стала с трудом тянуть телегу, и отец услышал:

– Подвинься немного. Эге, да ты всю телегу занял. А мы, значит, пешком ходи! И по плечу скользнуло что-то черное. В этот момент отца осенило: он начал читать молитву.

И хотя никого не было видно, последовало грязное ругательство. Вскоре лошадь успокоилась и также бежала по дороге.

32

В прошлом году, накануне Дзядов, я легла спать как обычно со своей сестрой Анютой. Ночь выдалась пасмурная. Слышно было, как по окнам хлестал дождь, а за стеной гулял ветер. Анюта уснула сразу и даже чуть похрапывала. Мне не спалось. Я ворочалась с боку на бок.

И вдруг передо мной появился весь в белом мужчина. Он внимательно смотрел на меня, хотя черты его лица трудно было разобрать. Я попыталась его оттолкнуть, но рука прошла сквозь него. Мужчина наклонился и сказал:

– То, что я сообщу тебе, запомни на всю жизнь.

– Я не хочу тебя слушать, – ответила я.

– Ты обязана это сделать, – продолжал он.

В это время Анюта громко всхрапнула – мужчина в белом исчез.

33

Мой муж однажды под вечер возвращался верхом на лошади с пастбища. Дело было поздней весной. Сгущались сумерки. Не доезжая до погоста, лошадь вдруг стала спотыкаться. И тут муж заметил сидящую на ограде женщину, одетую во всё белое. Лошадь по-прежнему вела себя очень беспокойно, пришлось

понукать её. При приближении женщина как-то быстро увеличилась в размерах. А когда до неё оставалось метров двадцать – двадцать пять, она стала совсем огромной и – неожиданно пропала.

34

Илья Иванович, мой благоверный, всю жизнь в пастухах ходил. Чего только с ним не приключалось. Как-то ехал он ночью лесом. К нему на воз неожиданно женщина вскочила. Глаза навываля, нос длинный-предлинный, прикрыта чёрными лохмотьями, а в руке клюка. Илья Иванович не растерялся и спрашивает её:

– Ты кто будешь?

– Я смерть твоя, – отвечает странная женщина.

– Коли смерть так с глазу долой. Рано мне ещё о смерти думать, – набросился на неё Илья Иванович. Даже топором пригрозил.

– Придёт время, сам будешь меня звать, – услышал он в ответ. С тем женщина и пропала.

Сорок лет минуло с тех пор, как один день. Стал прихварывать муж, а потом и совсем слёг. Болел тяжело и долго. Не раз он упрекал себя за то, что так грубо обошёлся тогда в лесу со своей неожиданной спутницей.

35

Когда-то деревня Хотилы славилась тем, что здесь жили довольно зажиточные мужики. Среди них выделялся Мирон Пузиков. Поговаривали, что он много золота накопил, а перед смертью признался: «Кто его имел, у того оно и останется».

Умер Мирон. И сразу к его дому чёрный кот прибил. Лет тридцать прожил. Все удивлялись, вот так кот! Лежит себе на лежанке, мурлычет да молочко пьёт. По кошкам и то не бегал.

Внук Мирона, Пашка, бойкий и своенравный мальчишка, однажды решил поиграть с ним, но кот зашипел на него и укусил за палец. Пашка схватил его за ухо и сбросил с лежанки. Что-то звякнуло и покатилося по полу. Кот куда-то пропал, а Пашка обнаружил под диваном закатившуюся монету. Она, как потом выяснилось, оказалась золотой.

36

В прошлом году собрались мы, бабы и девки, на Купалу за деревней. Ночь выдалась теплая, ясная. Все довольны, всем понравилось. Из района с кинокамерой приезжали, снимали нас.

А когда возвращалась, веселость с меня слетела. Страха такого набралась. Вспоминать боюсь!

Подхожу к хате: что это с моей баней? Прямо на крыше кто-то бежит, да так проворно: туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда! Пригляделась и обмерла: трое, с хвостами, от копыт только стукотня идет...

Не помню себя от испуга. Видимо, закричала. Очнулась – никого нет. Тихо вокруг. Пробралась в хату, да так до рассвета глаз и не сомкнула.

Вихри, смерчи всегда страшны. Не дай Бог оказаться в это время где-нибудь на открытом месте одной!

Помнится: на Ильин день, в 1959 году, мы всей бригадой сушили сено. С утра небо было чистым, дул свежий ветерок. Работа спорилась. Но к обеду там и сям начали появляться облака, потом на западе густо засинело.

– Быть сегодня дождю, – сказал Кузьма Петрович, наш бригадир. – Бабы ставьте скорее копны!

Вскоре донесся первый удар грома. Ничего страшного он вроде бы не предвещал. Однако туча быстро набухала, закрывая собою уже половину неба. Её все чаще и чаще рассекали молнии, гром гремел, почти не переставая, то гулко отдаваясь в вышине, то рассыпаясь прямо над головами. Бригадир командовал:

– Собирайте пожитки да прячьтесь под копны. Тучу, может, стороной пронесет!

Но в миг потемнело. Казалось: туча опустилась на землю. Вдруг поднялся серый столб, обдавая нас холодными колючими брызгами.

– Экое чудо! При народе и смерть красна! – громко крикнул Кузьма Петрович, бросая что-то в этот столб.

Минуты через три-четыре стало светлее, а столб, быстро удаляясь направо, хозяйничал в лесу. Мы выбрались из укрытия и увидели, что те копны, которые были на его пути, он унес с собой! Тут Кузьма Петрович показал нам нож (его-то он бросал). На нем ярко алела кровь.

II. О колдунах, колдуньях и хитрых людях

38

У майго бацькі да таго, як ён уступіў у калгас, было дзве каровы. Малака давалі шмат. Але раптам перасталі. Лета. Яны траву сакавітую ядуць, а малака няма.

Нехта з суседзяў параіў бацьку звярнуцца да Агаф'і, якая жыла наводшыбе. Хадзілі чуткі, што яна вядзьмарка. І вось, управіўшыся з гаспадаркай, адвячоркам бацька прыйшоў да Агаф'і. У цеснай хатцы ў яе на сталі стаяў самавар. Агаф'я піла чай з сухарыкамі. Запрасіла да стала і бацьку. Ён сеў, але чаю піць не стаў. Адразу паскардзіўся на сваю бяду.

– Выпі кубак майго чайку, тады ўсё ўладзіцца, – настойвала Агаф'я.

– Ну, давай, – згадзіўся бацька.

Замест кіпячонай вады ў самавары апынулася малако.

На другі дзень абедзве каровы, як і раней, зноў пачалі даваць малако.

39

Калі Грак з'явіўся ў нашай Смалоўцы, ніхто не ведаў. Ды і ў галаву нікому б не прыйшло пытацца ў яго пра гэта. Звалі яго так таму, што быў ён чорны: і валасы, і вочы. Нават скура здавалася нейкай пракопчанай. Так і прыжылося ў народзе: «Грак і Грак».

А запомніўся ён вось па якім выпадку. У Кавалёвых раптам здох конь, за ім – бык і тры авечкі запар. Што рабіць? Не ведаюць. Стары Кавалёў ледзь ад гора розуму не пазбавіўся. І тут хтосьці параіў схадзіць да Грака. Рабіць няма чаго, вырашыў схадзіць.

Выслухаў Грак старога Кавалёва ўважліва і кажа:

– Ідзі хутчэй дадому і не азірайся. Я следам буду.

Стары Кавалёў дробненька патупаў да хаты. Тут як стары Кавалёў, тут і Грак. Адразу ў хлеў. Нейкую костку знайшоў, потым жмут валасоў.

– Чым жа ты, дзед, свайго суседа (...) прагневаў? – толькі і спытаў. За скаціну сваю зараз не бойся, а ў яго я ўсю звяду, таму як гавёны ён чалавек. І сапраўды звёў.

40

Разные бывают цыганки: есть, которые нагло врут, норовят что-нибудь украсть, есть и настоящие гадалки.

Помню по весне, в 1957 или в 1958 году, не так далеко от нашей деревни остановились цыгане. С неделю не было покоя, вся округа ходуном ходила!

К нам тоже забрела старуха цыганка. Седая, тощая, длинная, как жердь. Глаза у неё черные, насквозь тебя видят.

– Дай, хозяйка, погадаю, – говорит мне. – Правду открою, ничего не утаю. Недавно поженились, а уж под сердцем третьего ребеночка носишь. Сына родишь! Молочком бы меня угостила, с десяток яиц дала.

– Врешь, старая карга! – прервал её муж. – Никакой правды ты не знаешь да и знать не можешь. Чушь всё это!

– Нет, милоч, напраслину на меня несёшь, – посетовала цыганка. – По-помни: скоро ноги лишишься!

– Эко ты придумала. Ноги! С чего бы?! Уходи отсюда подобра-поздорову!

Я налила в бутылку молоко и постаралась побыстрее выпроводить цыганку.

Начался сенокос, и муж повредил ногу: попала под косилку. Пришлось её отнять. В декабре я родила сына. Вот и не верь после этого цыганке!

41

Колдуны, ведьмы, знахарки и при светской власти не перевелись. У нас в колхозе была такая, Федорой звали. Её даже бригадир побаивался. Мало ли чего?

Захочет – молоко у коровы пропадет, захочет – болезнь на тебя наслёт, захочет – тоску нагонит, да такую, что на стену полезешь... Девки к ней часто бегали. Говорили: помогала потому, как силу имела большую.

Я сама помню один случай. Не совру.

Весна тогда удалась дружная, теплая. Рано выехали в поле.

– Бабы, не подведите! – кричит бригадир. – К вечеру приказано всё здесь засеять. Из района может начальство нагряться!

А день – то праздничный. Пасха Христова! Вот Дарья Лавренчук, бабёнка расторопная, бойкая, и говорит Федоре:

– Хотя бы до обеда повременить с севом. Выручай! Общество просит.

Та ничего не ответила. Но смотрим: развязала узелок, что-то из него достала, опять за работу. И что ты думаешь? Не прошло и получаса, как обе сеялки встали! Шуму – то было! Начали их ремонтировать, ну, а нас отпустили сбегать домой. Бригадир так матерился, что помянул при этом «шестьсот шестьдесят шесть вагонеток чертенят»! Но никуда не денешься! Колдовство оно и есть колдовство.

Сеять начали лишь на другой день...

42

– Вы о небылицах спрашиваете? – говорила, усаживаясь передо мной, Зоя Степановна, – их в жизни пруд пруди. Не перескажешь. Всё правда горькая!

– Наверное, все-таки не все? – робко возразила я. – Много придумывают о сверхъестественном.

– Как не все? То-то и оно: это сверхъестественное часто оборачивается что ни на есть естественным. Кажется: не должно такого быть! Нет, оно происходит. Как раз перед смертью Сталина заглянула ко мне Марья, соседка. Я по-

просила ее раскинуть карты. Гадает она хорошо. Еще с войны это у нее. Что скажет, того не миновать. Так вот, раскинула она карты и побледнела:

– Зоя, голубушка, береги своего Андрюшку. Боже упаси – попадет куда! Странно: сама не пойму. В воду, не в воду? Да какая у нас вода? Колодец!

– Удружила, – с недоверием оборвала я её, – Андрюшка немаленький, двенадцатый пошел, к юбке его не пришили. Однако надо приструнить его. С этим и разошлись. На всякий случай я строго-настрого приказала сыну не подходить к колодцу.

Через день, ближе к вечеру, бежит к нам бригадир, увидел меня, заорал:

– Где муж? Собирайте людей и скорей к амбару!

У самого голос охрип, руки трясутся. Ну, думаю, что-то в колхозе стряслось. Схватила фуфайку, бегу, там уже полдеревни. Увидели меня, расступились: у амбарной двери весь посиневший лежал Андрейка.

– Сынок, кровинушка моя! – закричала я. Больше ничего не помню...

Утонул наш Андрюшка в льносемени, карты не соврали. Оно хранилось в углу, за досками. Амбар зачем-то открыли. Мальчишки вошли туда, по доскам вскарабкались вверх. Андрей сорвался и угодил в льносемя. Едва достали, но было поздно: задохнулся.

43

Сказывают, что каждая колдунья должна заниматься своим делом, только тогда будет в её деле прок.

Жила в Меже Авдотья Лавренчук. И бабушка её, и мать, и она знали толк в присушках да отсушках. Сколько девок, баб у них перебивало! Не счесть!

Раз появилась в деревне молодая женщина с ребенком на руках. Попросилась переночевать, чтобы к Авдотье наведаться (та не оставляла к себе на ночь). Сели вечером пить чай, она и говорит:

– Ваша Авдотья силу имеет. Моя подруга Вера попала в аварию на заводе. Горела, все лицо в шрамах, левая рука усохла. Муж бросил ее с двумя детьми! Так вот она четыре года тому назад сюда приезжала. Авдотья помогла ей: муж вернулся, к детям относится хорошо, Веру любит. Она ему недавно еще сына родила. Надеюсь и я на вашу Авдотью. Меня тоже муж оставил, другую нашел.

– Издалека, поди, Вы? – прервал её мой, муж Алексей Данилович.

– Из-под Киева.

– До личной ли жизни вам сейчас в Украине? Вон какие страсти кипят!

– Что они мне, коли счастья нету...

Молча допили чай, устроились на ночлег. Рано утром женщина с ребенком заспешили к Авдотье.

44

В Пальминке Авдотью Подкорытову никто из соседей не жаловал. Бабой она слыла скандальной, зряшной. Если что-нибудь попросит, знай – пропало. Никогда не вернет. Поэтому старались с ней не связываться. Но куда же денешься! Соседство есть соседство.

Пришла как-то она к нам. Дай, говорит, мясорубку. В моей – ножи затупились. Завтра верну. Я ей сдуру отказала, сославшись, что самой мясорубка очень нужна.

Минуло три дня. Утром пошла я доить корову, глядь: на крыльце, прямо у входной двери, – рваный башмак! Откуда, думаю, он тут взялся? Своей собаки нет, чужая тоже не смогла бы на двор затащить. Бросила его под лавку да за домашними хлопотами совсем про это забыла.

И вот ровно через три дня (потом уж я все восстановила) нагрянула беда! Муж, Иван Трофимович, повез на машине дочку в Городок, на обратном пути попал в автокатастрофу. Его едва удалось спасти, а левую ногу до колена отняли...

45

Мне восемнадцати лет не было, когда замуж выскочила. Посватался Миша, я сразу пошла за него, не посмотрела, что без руки. После войны выбирать не приходилось, тем более мне: в семье – старшая, у матери еще пятеро на руках, отца на войне убили. А что в колхозе заработаешь? Не жили, нищенствовали.

Так вот, вышла замуж. Свекор добрый, а от свекрови житья не было.

– Нечего братьям да сестрам помогать, – постоянно упрекала она, – у самой семья. Вырастут, никуда не денутся. Мужа лучше береги!

Миша, правда, меня не обижал. Заступался. Во всем помогал, оттого, наверное, быстро к нему привыкла. Одна беда: дети у нас умирали. Родится ребенок, поживет месяц, другой – опять хороним. До трех раз случалось. Свекровь, кажется, радовалась:

– Рано ребятшек-то заводить! Эко, пупок развязала! Успеешь мужу хомут на шею надеть!

Забеременела я четвертый раз. Родилась Катя. Михаил не отходил от нее.

– Полежи, отдохни хотя бы ночью, – уговаривал он. – Катя накормлена. Сам покачаю.

– Бабий угодник, – возмущалась свекровь, – не жену, мать надо почаще жалеть!

Однажды ночью, баюкая дочку, Миша нашел в её кроватке войлочный мячик.

– Зачем он здесь? – подумалось ему. – Откуда он взялся? Не покупали, да и в доме никогда такого не видел. На всякий случай положил его в шкатулку. Ночью мячик вновь лежал в детской кроватке, после повторилось то же самое.

Когда в субботу топили баню, Миша съег его. И вдруг в доме такой шум поднялся: чем-то недовольная свекровь рвала и метала! Всем досталось. Нас выгнали из дома. Зато, слава Богу, Катя росла крепкой, здоровой.

Соседи потом не раз намекали, что свекровь-колдунья...

46

Моя бабушка Валя не то чтобы верила всем приметам, но по понедельникам и пятницам никаких серьезных дел не начинала, вечером деньги в долг не давала и сама долги не возвращала, со стола никогда ладонью оставшиеся

крошки не считала. Ну, а если черная кошка перебежала ей дорогу, возвращалась назад или выбирала какую-нибудь другую. На то были свои причины...

С моим дедушкой, Сергеем Михайловичем, они были из одной деревни, одногодки. Вместе росли, вместе ходили в школу и потом учились в Витебском ветеринарном институте. Друг в дружке души не чаяли. Думалось: счастливая пара! А вот, на тебе!

Бабушка часто вспоминала, как они на трамвае поехали в загс. Сошли на остановке и только подошли к двери: откуда не возьмись – прямо перед ними промелькнул черный кот. Тогда это у них вызвало смех.

Расписались, сыграли свадьбу. Жить бы да жить! Однако все сразу пошло наперекосяки: на работе нелады, первая дочка умерла во время родов, вторая появилась на свет с больным сердечком, дедушка, который никогда спиртного в рот не брал, сразу после женитьбы начал пить. И вконец спился. Вот вам и не верь приметам!

47

Марфу в деревне все почему-то избегали. После смерти матери, которая была повитухой, она жила одиноко. Замуж не выходила. Даже родственники её не навещали. Зимой, бывало, безвылазно лежит на печи, а летом в лесу пропадает: то травы собирает, то ягоды, то грибы. Тем и кормилась.

Однажды весной наши деревенские мужики отправились с ночевкой на рыбалку. Было это в году так пятьдесят пятом или шестом. Время они, конечно, выбрали неудачное: всюю шла посевная, не до рыбалки! Но председатель колхоза, Василий Павлович Бегунов, сам заядлый рыбак, уступил их просьбе, потому что мужики обещали наверстать упущенное.

Сказано – сделано. Раскинули палатку. Кому кашу варить поручили, кому огонь в костре поддерживать, кому рыбу удить. Всё закрутилось, все довольны.

Когда темно стало, сели ужинать. И тут кто-то заметил, что прямо к палатке катится колесо. Колесо обычное, но откуда оно взялось? Рыбаки всполошились. Бросились за ним. Никак догнать его не могут. Наконец, повалили наземь, при этом послышался странный звук.

– Мужики, давайте на кол наденем колесо, – предложил Демьян Волошин. – Завтра разберемся.

Вбили кол, надели на него колесо. Ужин продолжился. Немного выпили, крепко заснули. Демьян очнулся первым: его разбудил стон. Вышел из палатки и очумел.

На колу сидела Марфа.

48

Правда ли, нет ли, но мне рассказывала бабушка, что в Латышонках после войны жила Дарья Менькова. Соседи ее недолюбливали, потому что скупая и хитрая была. Мужа своего затюкала, он ходил за ней следом, как бычок. Женев сына, переключилась на невестку. Бывало, ничем её та разжалобить не могла.

Когда стала умирать, дала ей наказ:

– Запомни, Аня, через девять дней приди ко мне на кладбище и закопай под крест вот этот мешочек.

Хоронили Дарью Менькову, как всех. Дочка Лиза сильно плакала. Ей тогда лет одиннадцать было. Прошло девять дней, и она захотела отнести на могилу матери цветы. Отец отправился вместе с ней. Тут-то и вспомнила невестка о просьбе свекрови.

– Возьмите с собой мешочек. Велено под крест его закопать, – пояснила она.

С кладбища свекор вернулся совсем разбитым: мычал да размахивал руками. Кинулись туда сын с невесткой, видят, а на могиле мертвая Лиза.

49

У нас в Лиозно, на соседней улице, три года тому назад произошло это. Жила там старуха Глебова. Поговаривали, что она не без странностей: лицо поросло седым волосом, подбородок заметно выдавался вперед, ходила не как все, а будто вприпрыжку. Бывало, встретишь ее – и жутко как-то становится. Ко всему прочему старуха держала большую черную собаку, такую же, как сама, лохматую.

Однажды соседская девочка выбежала на улицу с мячиком. Старухина собака набросилась на нее и откусила ей мизинец на правой руке. Родители девочки потребовали, чтобы собаку убили. После этого, ровно через семь дней, девочка ночью пропала. Трудно объяснить, как это случилось. Все были дома, спали. Глядь – на утро ее нет! Куда делась? Никаких следов...

Прошло еще семь дней. И вот ночью, на полнолуние, родители услышали, что кто-то на дворе воет. Выскочили, а это их дочка. К себе едва подпустила, кусается, на шее – цепь.

Долго потом лечили ее. Говорят: поправилась.

50

По совету тещи Александр Иванович Новицкий разбил зеркало на мелкие кусочки и закопал их, квартиру же окропил святой водой...

Год тому назад они с женой на день рождения собирали гостей. Прожив с супругой семь лет душа в душу, Александр Иванович по-прежнему сохранил приятельские отношения с бывшими сокурсниками, а жена – с сокурсницами. Поэтому гостей было много. Праздновали день рождения весело и шумно.

Провожая друзей и родственников далеко за полночь, Галя (жена Новицкого) обратила внимание на зеркальце. Чуть побольше ее ладони, с коротенькой ручкой, оно лежало на тумбочке в прихожей. Галя подумала, что кто-то забыл его. Потом выяснилось, что оно ничье, поскольку все от него отказались. Так оно и прижилось у Новицких. Нет-нет, да и пользовались им: Александр Иванович во время бритья, Галя обычно перед ним подкрашивала губы, когда куда-нибудь спешила. Одна Маринка не брала его в руки. Ей было всего два месяца, и бабушка её почти никому не доверяла.

Вскоре после дня рождения стали замечать нечто неладное: у Александра Ивановича начали выпадать волосы, да так, что месяца через четыре он совсем облысел; у Галины вдруг случился припадок, потом ещё и ещё, наконец, очередной свел ее в могилу.

Историю эту рассказала мне мама. А произошла она в тридцатом году, когда наша деревня, как и тысячи других, училась жить в условиях коллективизации.

У мамы был старший брат, Никифор. Очень застенчивый, он, тем не менее, пользовался у девушек большим успехом. И не только потому, что отличался высоким ростом, но и потому, что все умел делать. За что бы ни взялся Никифор, любо было посмотреть. Своих братьев, сестер, фактически, кормил он, так как его отец, балагур Елисей, любил выпить.

И вот когда началось раскулачивание, Никифор женился на Клаше. Она ему нравилась давно, но теперь, оставшись без родителей, которых выслали, куда Макар телят не пас, Клаша сама намекнула Никифору, что не прочь стать его женой.

Молодые сразу записались в колхоз, поселившись на лето в амбаре, принадлежавшем когда-то отцу Клаши. Никифор жену любил.

Наработавшись целый день в колхозной кузнице, бежал скорее домой, чтобы на нее полюбоваться. Одно его смущало: как только наступало полнолуние, жена на два – три дня пропадала, оправдываясь тем, что навещает тетку.

В августе Клаша в очередной раз якобы гостила у тетки и Никифор вместе со своим сподручным по кузнечному ремеслу, Степаном, решили сходить на рыбалку. Отправились после трудового дня. Солнце почти село, но они надеялись добраться до озера, наловить рыбки на уху, заночевать у костра, а утром, на зорьке, порыбачить, как следует. Все так бы и сделали – не случилось беда...

Пока Никифор на уху рыбу чистил, Степан поспешил в лес за валежником. Глядь – на него из-под елки матерая волчица оскалилась. Шерсть дыбом, глаза горят. Он так и окаменел.

– Кровь-то, видно, горячая у тебя, Степушка? – говорит вдруг она. – Сейчас проверю. Подойди поближе; бойся, не бойся, напыюсь её досыта!

И тут Степана что-то будто подтолкнуло. Осенил он себя крестным знаменем, шагнул к волчице и отсек ей топором левое ухо. После этого, какой там валежник! Пустился наутёк из лесу. Никифору сбивчиво сообщил о случившемся. Тот ему, кажется, не совсем поверил, но костер разжигать не стали. Пришлось мужикам довольствоваться краюхой хлеба. Дождались рассвета – и быстрее в Евнино.

Заходит Никифор в амбар, а его Клаша – в постели. На голове – повязка; и там, где должно быть левое ухо, отчетливо видна засохшая кровь.

С той поры живет Никифор один, ему уже восемьдесят пять годков минуло.

На краю Ломачино с незапамятных времен стояла маленькая избушка с одним окошечком. В избушке обитала Агафья. Ее в деревне не любили, даже при случае избушку обходили стороной. Чем она жила и как, никто не знал. Правда, держала она козу, да при избушке был небольшой огород.

Агафью считали колдуньей. Кто-то даже уточнял, что она может оборачиваться в волчиху, в черную кошку. Заметили, что летом над ее избушкой, когда не топят печи, стоит часто огненный столб, а то кружится огненный шар. Так ли это? Не знаю. Врать не буду. Помню только одно: умирала она трудно. Вся из-

мучилась и истомилась. Мужики, желая ей помочь уйти на тот свет, подняли трухлявую крышу ее хаты. А когда Агафью схоронили, они же вбили в ее могилу осиновый кол.

53

Колдун Башмак, как у нас все называли Башмакова, почувствовал, что смерть вот-вот пожалует к нему. Стало быть, надо кому-то передать свою силу.

Позвал он внука и говорит:

– Приди завтра, Павлуша, на Попову горку ровно в полночь.

– Ладно, – согласился внук. Приду.

Дедушка его баловал, и Павлик не посмел ему отказать, хотя идти ему туда совсем не хотелось. Все же пошел.

Только он начал на горку подниматься, глядь – летит огненный шар. Ударился о землю и рассыпался. Павлик не заметил, откуда появился огромный кабан и человеческим голосом спросил его:

– Сам поднимешься или помочь?

Не чувствуя под собой ног, Павлик прибежал в деревню.

Башмак же умирал очень трудно и долго. Лишь когда кто-то догадался сбить с крыши конек, он выпустил дух.

54

Повадилась ходить в нашу деревню смерть. Ночью постучит в окошко, кто на стук отзовется, подойдет к окну, – тому и конец. Поминай в молитвах. Почти все избы перебрала. Остались только три, что стояли за ручьем.

Так вот в крайнюю, которая примостилась прямо к ручью, попросился переночевать один коробейник. Хозяин скрывать от него ничего не стал, рассказал, какие напасти преследуют здесь всех.

– Возможно, сегодня моя семья на очереди, – заключил он.

– Не тужи, – усмехнулся коробейник. – Еще неизвестно, кто кого переважит. Легли спать. Хозяева уснули, а коробейник начеку.

Ровно в полночь кто-то едва слышно постучал в окно. Взяв в руки топор, коробейник распахнул окно и увидел красавицу, покрытую белым саваном. Она протянула к нему руку, но коробейник ловко отсек ее. Ни крика, ни стона не последовало.

Закрыв окно, он лег спать. А утром в соседней избе началась суматоха: дочка вернулась с вечеринки, а руки по локоть нету. Вроде бы, напал на нее медведь.

55

Мой двоюродный брат, Петр Ильич Белов, очень любит свою жену. Часто повторяет, что его Лида самая красивая, самая веселая. Она, правда, веселая, никогда не унывает, хотя лет пять-шесть тому назад чуть было богу душу не отдала.

Заболела сразу. Как говорится, легла в постель вечером, а встала больной. Прямо на глазах таяла. Врачи не могли определить, что у нее.

Петр Ильич до этого ни в Бога, ни в черта не верил. А тут взял да и повез ее к знахарке в соседнюю деревню. Знахарка та славилась на всю округу. Лиде она помогла. И сейчас на здоровье не жалуется.

Как помогла? Послушайте. Повела ее в маленькую комнатку, приготовила и поставила на стол чашу с водой, что-то над ней пошептала, дала Лиде нож и велела смотреть на воду в этой чаше. Вскоре Лида увидела в воде лицо соседа, Мишки Зуева.

– Коли его ножом, – приказала старуха. Лида робко опустила нож в чашу с водой...

На другой день в Смолровке прошел слух, что Зуев Михаил нечаянно упал с полка в бане и разбил все губы.

56

Рассказывали, что в деревне Заря жила колдунья Марфа. Днем старуха как старуха, а ночью чудила. Кого-нибудь да напугает. Приехал как-то в Зарю к родственникам морской офицер. Приглянулась ему наша девушка Зина. Пошел он ее поздно вечером провожать. А дом Зины был недалеко от Марфиной хаты. Проводил. Веселый, довольный возвращался в клуб.

Вдруг что-то вспыхнуло, поднялся дым столбом. Видит молодой лейтенант, как к нему в ступе приближается какое-то существо. В руках помело, волосы длинные, зубами щелкает. Он не растерялся, выхватил кортик и по костлявой руке ударил. Ступа развернулась, поплыла по воздуху и исчезла. Стало тихо и темно. Лейтенанту было не до клуба, добрался до родственников и лег в постель. Не спалось.

На другой день поговаривали, что бабка Марфа поехала в Городок. У нее случилась беда: якобы, ставила капусту и ножом руку сильно порезала.

57

Моя свекровь рассказывала, что у нас, в Ломачино, произошел такой случай. Дело было зимой, в сочельник. Выпал снег, потом разыгралась метель. На Рождество все избы до крыш замело. Праздник-то праздник, а пришлось потрудиться, от снега откапываться. Сразу после праздника не только дорожки протоптали, но и на санях начали ездить.

Совпало так, что два мужика со своими бабами ехали по дороге навстречу друг другу: первый к теще из Ломачино, второй к куму в Ломачино. Столкнулись на въезде в деревню. Им бы не спеша чуть расчистить дорогу, возможно, выпрячь лошадей, а потом снова запрячь. Но тут вмешались бабы: одна была молодая, а другая старуха старухой. Начали командовать, на мужиков кричать. Пока те разобрались, как им разъехаться, бабы поссорились между собою окончательно.

– Старое корыто! – визжала молодая. – Всю тебя вон как перекосило. Тебе бы дома сидеть, а не по гостям шастать!

– Уймись, глупая. Не лай, как собака. Не то будешь лаять до конца дней своих!

Когда сани вновь покатались по дороге, молодая баба вдруг закашляла, кашель сменился лаем. Слово сказать не могла.

Сколько она по врачам ходила! Все напрасно...

Оборотни – это те же колдуны и колдуньи. Упаси Бог с ними встретиться. В смерть вгонят.

Война нас совсем разорила. Осталась тощая коровенка-кормилица наша. Берегли ее, как зеницу ока. На ней и пахали, на ней и дрова возили.

Помню: мне лет двенадцать-тринадцать исполнилось, когда поехали мы с мамой в лес ночью, то есть дрова воровать. Не замерзать же... Было морозно, луна – круглая, глазастая, вокруг нее серебряный круг.

Нарубили дров, но корову в сани запрячь не можем: брыкается. Мы и так, мы и этак, брыкается. Глядь – на поляне волк сидит. Я то ладно, мама моя сколько их перевидела на своем веку, но такого – никогда. Сидит он, как человек, на корточках, на нас смотрит. Глаза не волчьи, одну лапу поднял и ею нас к себе манит.

У меня дух перехватило, мама же начала шепотом молитву читать. Читает, а у волка морда белеет. Он уткнул её в снег, сам лег пузом на снег и – исчез.

Как мы вернулись домой, не знаю. Забрались на печку, зуб на зуб не попадает не столько от холода, сколько от страха.

Бабушка рассказывала мне, что в Сенно перед революцией 1917 жила кривая Марфа. Ее полуразрушенный дом стоял почти у шинка, который держал старый еврей Лазарь.

Марфу считали колдуньей. Случалось, когда в полночь мимо ее дома кто-нибудь проходил, то на него набрасывался большой черный кот. Некоторых до смерти пугал. Или придут люди в шинок, выпьют, а кот тут как тут. Спину выгнет, хвост трубой, глаза страшные. Начнет по шинку бегать, шипеть, кусаться. Задумают его поймать, а он раз – и как будто куда-то проваливается.

Когда Марфа умерла, соседи осмелились зайти к ней в дом, посмотреть покойницу. Она лежала на лавке, покрытая с головы до ног черным покрывалом. Приподняли покрывало, а лицо-то кошачье, даже усы торчат.

Схоронили кривую Марфу не на кладбище, а за оградой. Так распорядился священник.

– Что-то нездоровится мне, дочка, – пожаловалась утром мать.

Я и сама заметила, что вот уже неделю она недомогает, хотя до сих пор не признаётся.

– Тело ломит, голова гудит, из рук все валится, – посетовала она. – Может врача вызвать?

– Конечно, врача, – решила я.

– Нет, подождите! – вмешалась в наш разговор соседка, Петровна. – Меня в прошлое лето так же прихватило. Добрые люди помогли. Думаю, что и вам помогут. Представьте себе: Варенька Тимофеева откопала под моей яблоней мешочек, а в нем – клочок шерсти, головка змеи и лапки жабы.

Я уточнила:

– Что было потом?

– Что потом. Сожгли все это. И сразу полегчало.

Мама взглянула на соседку в знак согласия, что надо пригласить в дом Вареньку Тимофееву.

Варенька пришла на другой день рано утром. Обошла вокруг дома, что-то пошептала, потом остановилась около бани и начала ворошить землю. Вскоре в ее руках оказался мешочек. Его бросили в огонь.

Через сутки мамину болезнь как рукой сняло.

61

Дочка Людмила вышла замуж за своего одноклассника. Вместе они потом учились в ветеринарном институте в Витебске. Поженились рано, ещё студентами второго курса. Правда, институт закончили успешно, работают, воспитывают двоих детей, Я рада за них. Главное: уважают и жалеют друг друга. Но есть у них завистники...

Месяца три тому назад вот что произошло. Стоял на столе стакан. Вдруг ни с того, ни с сего рассыпался на мелкие кусочки. Дочка сразу собрала их и выбросила. Поставила другой. Он тут же:

– Дзинь!

Опять – лишь мелкие кусочки. Выбросила их туда же. Достает третий. Он прямо в руке у нее дзинькнул.

Свекровь ей и говорит:

– Сходи к бабке. Это к худу.

Дочка сходила. И вроде бы пока все в порядке. Видимо, бабка помогла.

62

Моя соседка по лестничной площадке любит выпить. Кто только в её квартире не бывает. Дым коромыслом. Как-то я по поводу этого сделала ей замечание. И не рада. Вот уж накричалась она.

А меня будто сразу подменили: голова, как котел, во всем теле ломота, руки и ноги не слушаются. Что делать? Не знаю. Одна мысль вертится в мозгу:

– Зачем я с нею связалась?

Хорошо, что позвонила дочка.

– А ты, мама, к Петровне обратись. Она поможет, – посоветовала она.

Автобусная остановка – прямо перед домом, где я живу. Все равно едва доползла. Слава Богу, доехала до Петровны. Она умыла меня водицей, напоила травкой – и все, как рукой сняло. От нее я вышла совсем другой. С соседкой теперь стараюсь даже не встречаться.

63

Калі да вас у пакой забегла чужая чорная котка, то бяда на парозе, каб яе прадухіліць, абавязкова асвятціце хату.

У чорных котак часта ператвараюцца ведзьмы і ведзьмакі, такія коткі прыгожыя і разумныя, ласкавыя. Іх хочацца пагладзіць. А гэтага рабіць нельга.

Зносіны з імі адбіраюць і маладосць, і сілу. У імгненне можна стаць старым або старой, так тыя, хто валодае чорнай магіяй, лечаць сябе і губяць іншых.

64

Памерла вядзьмарка Марфа незвычайна. Гады за тры перад смерцю яна перастала хадзіць у лазню. Быццам чагосьці баялася. Мылася ў печы. Прапаліць яе, забярэцца туды і давай мыцца.

Так было і ў апошні раз. Забралася бабуля Марфа ў печку, а чэрці трубу закрылі. Яна ўчадзела.

Дзень няма Марфы, другі дзень няма Марфы, трэці дзень няма як няма. Суседзі адчынілі хату, а яна скурчаная сядзіць у печы. Нос у нябожчыцы адгрызены, вачніцы пустыя. А побач з ёй – велізарны чорны кот. Ubачыў людзей – і быў такі ...

65

Было мне тады пятнаццаць гадоў. Памятаю ўсё да драбнюткіх падрабязнасцяў, быццам гэта ўчора здарылася.

Ішла вайна. Немцаў прагналі, а жыць няма дзе. Вырылі зямлянкі, у іх і ратаваліся ад холаду. На ўсю вёску засталася адна карова.

Прывялі яе пад вечар з лесу. Хлява няма. Стары Пракоп кажа:

– Добра, я сплю дрэнна, буду за вартаўніка.

Але тут крывы Башмакоў моўчкі ўзяў замок, ключ, абышоў вакол каровы, шэпчучы нешта, замыкнуў замок ключом.

– Усе ў зямлянку спаць, – распарадзіўся ён.

Дзіўна, але азяблыя ў лесе людзі адразу пацягнуліся пад прытулак, у тым ліку і стары Пракоп. Спалі ў тую ноч моцна.

А калі прагнуліся, убачылі, што каля каровы круціцца нейкі мужычок.

– Эге!, – засмяўся Башмакоў. – Вось і злодзей. Пайду, адпушчу яго.

Ён узяў ключ, адмыкнуў ім замок і, звяртаючыся да мужычка, сказаў:

– Ідзі, зараз не трымаю цябе. І больш тут не з'яўляйся!

III. О покойниках и душах усопших

66

Гэту гісторыю я пачула ад сваёй мамы.

Падчас першай сусветнай вайны з немцамі недалёка ад вёскі Муляры знаходзіўся шпіталь. Мама працавала там санітаркай, нягледзячы на тое, што зусім нядаўна нарадзіла мяне. Бацька быў на фронце.

Аднойчы ў яе змену прыйшоў эшалон з параненымі. Сярод іх быў і мой бацька. Паранены ў жывот, ён памёр на яе руках. Бацьку пахавалі ў Мулярах. Мама засталася тады маладой удавой.

Праз дзевяць дзён бацька пачаў ёй сніцца.

– Франя, чаравікі, у якіх ты паклала мяне ў труну, мне цесныя, – казаў ён. – Пакладзі пару чаравікаў ў труну Кузьмы Рабінкава. Ды не забудзься!

Гэты сон паўтараўся. Кузьма Рабінкін – былы сябар бацькі. Разам пайшлі ваяваць. Яго сям'я жыла ў Мулярах па суседстве. Адпраўляючыся ў шпіталь на чарговае дзяжурства, мама зайшла да Рабінкіных. Яны як раз чыталі ліст з фронту і радаваліся, што бацька жывы і здаровы, прадстаўлены да Георгіеўскага крыжа. Дзяжурства выдалася цяжкім. Ізноў паступілі з перадавой параненыя. Кузьму Рабінкіна мама пазнала адразу. Ён быў паранены ў галаву і памёр яшчэ па дарозе ў шпіталь. Калі яго хавалі, яна са згоды Рабінкіных паклала ў яго труну пару чаравікаў.

Болей такі сон маме не сніўся ...

67

Служыў я на падводнай лодцы. Чаго толькі не нагледзеўся, у якіх складаных сітуацыях не бываў. Цяжка мяне чымсьці здзівіць. А вось у роднай вёсцы аднойчы ледзь не памёр ад страху ...

Сабраліся мы ў канцы лістапада 1958 года ў клубе: кінафільм, танцы. Дадому мне трэба было ісці каля могілак. Яны ў нас зводдаль на пагорачку, як ўваходзіць у Муляры. Іду, значыць, я, ні пра што не думаю, пасвістваю. Зірк, а над магілай, у якую тры дні таму закапалі Пятра Пятровіча, нашага брыгадзіра, стаіць белы слуп. Я ад нечаканасці разгубіўся. Бачу: гэты слуп павольна плыве да мяне. Набраўся духу і пабег. Азірнуўся – слуп за спіной, нават адчуў, як яе холадам абдало ... Нечакана спатыкнуўся і ўпаў. Ляжу, баюся вочы адкрыць. Цела страхам скавала. Раптам дзесьці праспяваў певень. Мне стала лягчэй. Падняў галаву – нікога. Ледзь дабраўся да хаты.

68

Моя мама, Евдокия Матвеевна Хмельницкая, овдовела рано. Муж с войны пришел инвалидом, прожил девять лет, да и помер, оставив ей четверых детей.

Как она их растила, Бог ведаёт, но вырастила. Брат – механизатор, старшая сестра – агроном, вторая – медсестра, а я журналисткой стала. Училась в Минске, в БГУ, потом в Витебск направили.

Брат давно обзавелся семьей, сёстры тоже замуж повыскочили, одна я, к огорчению мамы, была не определена.

– Ты бы дочка пару себе подыскала, – не раз сетовала она. – Курить начала. Не с добра все это! Дюже разборчивая. Видать: долго прицениваешься, перебираешь. А так нельзя! Хорошим мужа жена делает. В том-то и весь секрет!

Время шло. Я продолжала работать, в текучке все реже и реже появлялась в нашей деревеньке Барсуки, что недалеко от Оболя. В 1982 году мне выпала командировка в Чехословакию. Тогда это считалось большой удачей. Кто бы отказался? Пока оформляла документы, то да сё, поняла: маму навестить не успею.

– Ничего страшного! – убеждала себя. – Мама поймет. Два месяца пробогут незаметно.

С тем и уехала. Если бы знать, что случится! Когда вернулась – мамы не было... Ей уже и девять дней отвели. Очень я тосковала. Мучила мысль, что даже не простилась с ней.

Прилегла я как-то отдохнуть. Видимо, задремала. Вижу: входит мама, садится рядом, берет мою руку и говорит:

– Не томись душой, доченька! Не все так идет, как нам хочется. Оно верно: мы предполагаем, а Господь располагает. То-то и оно. Я попросить тебя вот о чем хотела: одна ко мне на могилку не приходи! Поняла, о чем прошу? Ну, теперь прощай, Надюшка!

Я открыла глаза. Был полдень. В комнате солнечно. Но отчетливо по стене к двери проплыла легкая тень.

Через полгода я вышла замуж. С Толиком у нас двое детей. И чем ни старше становлюсь, тем чаще вспоминаю тот полдень...

69

В нашей деревне, недалеко от магазина, – старый-престарый дом. Когда-то здесь жила еврейская семья, держали шинок. В годы революций, Гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны в доме чего только не перебивало: ревком, правление колхоза, штаб одной из частей Красной Армии, штаб группы СС и опять – штаб дивизии, освободившей Бешенковичи, правление колхоза, школа. В конце концов, в нем поселилась, заняв две комнаты, учительница Мария Гавриловна Смирнова. Недавно она умерла в почтенном возрасте – девяносто три года.

От нее-то я не раз слышала эту историю. С её слов, ежегодно, под сочельник, в двенадцать ночи в доме начиналась какая-то возня, шум. Потом отчетливо можно было разобрать, как устанавливаются столы и стулья, звенит посуда, произносятся тосты, всюду идет веселье. И так до двух часов ночи. Ровно в два – тишина.

– Не бойтесь вы, Мария Гавриловна? – почти задыхаясь от волнения, спросила я.

– Кого бояться-то? Духов? Экая беда. Зачем им меня, старуху, трогать? В мои лета даже смерти стыдно бояться. И ты не трусь. Вот живых остерегайся.

Они злодействуют. А духи напоминают нам, что земной суетой всё не заканчивается. Поэтому соблюдать себя надо...

Теперь я часто вспоминаю её. Дом по-прежнему стоит. Многие ночью избегают проходить мимо: в пустых окнах, якобы, появляются призраки.

70

Артем Загородний был веселым парнем, любил компанию. Служил в Москве. И всем рассказывал, как шла его служба в Кремлевском полку: не раз стоял у мавзолея, пришлось нести вахту у гроба Сталина, часто патрулировал на Новодевичьем, а сколько иностранных делегаций встречал – не счесть. Загадочно улыбаясь, он обычно делал вывод:

– Теперь, братцы, любую девушку за меня сватайте. Побежит! Всегда найдется, о чем с ней поговорить.

Кажется, в 1956 году, на Первое мая, наши парни немного выпили, как всегда о чем-то заспорили. Вдруг Артем ни с того ни с сего предложил:

– Кто готов ночью пойти на кладбище и вбить в крест гвоздь?

Парни промолчали, кое-кто попытался отшутиться:

– Тут работы хватает, пусть покойнички сами управляются!

– Тогда сделаю это я, – заявил Артем. – Вижу: трусили. Принесите молоток и гвозди. Кто-то услужливо принес.

Пошли на кладбище. Все остались за оградой, Артем же, перепрыгнув через нее, зашагал по тропке между могилами. Вскоре послышался стук, затем раздирающий душу крик. Парни не знали, что делать! Сунуться туда не решились. С полчаса ждали. Наконец, появился Артем. Он молчал. Помогли ему выбраться и ахнули: правая рука будто окаменела вместе с молотком!

К каким только врачам он потом ни обращался, куда только ни ездил – все попусту. Никто его болезнь объяснить не мог. Жил Артем с такой рукой. О женитьбе ему пришлось забыть...

71

Я уже восьмой десяток разменяла и так думаю: ко всему надо прислушиваться. Что ж чудеса! Они тоже бывают. Как без них обойдешься? Жизнь их творит, наши порой неразумные поступки. Кто-нибудь оступится, покажет слабинку, чудеса тут как тут!

С тех пор вот, сколько лет прошло, но помню об этом, хотя, Бог знает, чего здесь больше: чуда или здравого смысла?.. Судите сами.

Строили мимо Селищ дорогу. Разметки наладили, начали щебенку возить, технику пригнали. Откуда ни возьмись, старичок объявился: во фраке, штиблетах, с тросточкой.

– Почтенные, где у вас подрядчик? Нельзя ли убедить его, чтобы дорогу на полверсты правее перенес? – обратился он к рабочим.

– Кто ты такой? Что за ископаемое? – не сдержался один из них. – Если из Селищ, то лучше б, дед, самогоном угостил на радостях: дорогу ведем! А где ей пройти, начальство лучше знает.

И что бы вы думали? Старичок до трёх раз появлялся, слово в слово повторял сказанное, исчезал. Донесли об этом начальству. Выяснилось, что тут когда-то кладбище было. В конце концов, приказали дорогу проложить правее.

72

Как выйдешь из деревни, сразу по правую руку увидишь сажелку и старую ракиту. Больше ничего не осталось, но лет пять-шесть тому назад здесь стояла изба. Жила в ней Анисья Якубович. Ей было за девяносто, однако трудилась она по-прежнему: держала коз, кур. Погонят бабы утром коров на пастбище, Анисья уже в грядках копошиться или что-нибудь на дворе ладит. Всё-то у неё в полном порядке, даже лучше, чем у молодых. Цветов видимо-невидимо, в Витебске таких не сыщешь! Срезала Анисья Даниловна их первого сентября и отдавала девчонкам, мальчишкам, чтобы те несли эту красоту в школу. Своих детей у неё не было: муж погиб на войне, замуж вновь не выходила.

И вот как обычно, на утренней зорьке, идут бабы мимо Анисьиной избы, одна из них и говорит:

– Кто, по-вашему, у Анисьи Даниловны по огороду гуляет?

Остановились, пригляделись – не поймут. Молодая женщина, ни на кого из билёвских не похожа, покрыта белым платком. Платье на ней тоже белое. Но самое интересное: она не ступает, а плывет по воздуху, на вершок от земли.

К полудню в Билёво узнали, что Анисья Якубович умерла...

73

В 1952 году меня призвали на службу. Попал я в кавалерийский полк, который дислоцировался под Москвой. Муштровали нас, как надо. Однажды (вспоминать страшно) я по своей глупости попал под лошадь. Потребовалась срочная операция. Врачи думали: не выживу.

И вот лежу в полузабытьи. Откуда ни возьмись – покойная бабушка Марья.

– Угораздило же тебе, Петя, нечего сказать! Кто матери помогать будет? – спрашивает она меня. – Держись! Ты в семье старший. Отца нет.

Я очнулся. В палате солнечно. Рядом – сиделка. И сразу почему-то легче стало. На поправку пошел.

74

Что было, то было. Как тут не поверить? Своими глазами видела! Да и другие подтвердят!

В позапрошлом году на нашем кладбище загорелась сторожка. Это километра полтора от деревни. Кто её поджег, Бог знает! Есть среди нас непутевые!

Поздно вечером слышу крик:

– Пожар! Люди добрые, пожар! Горим!

Я выскочила на крыльцо. Поняла, что кричит сосед, Сергей Петрович. В конце деревни увидела зарево. Побежали туда.

– Уж не Орешниковы ли пострадали? – подумалось мне.

Ноги подкашиваются, в горле пересохло, но продолжаем бежать. У околицы уже народ собрался. Стало ясно: горит что-то на кладбище. Пока до него добрались, сторожка пылала вовсю. Спасти её было невозможно. А поодаль стояли покойники! Все в белых тапочках.

Когда сторожка догорела, видение исчезло.

75

Наша деревня лесная. Прямо за крайней хатой – ели, березы, дубы, осины. В этой хате живет Клавдия Ивановна Аксенчук. Теперь она на пенсии, но лет тридцать пять тому назад приехала из города учительствовать в Ковали с грудным ребенком на руках, да так и осталась тут. В деревне Клавдию Ивановну полюбили за её добрый нрав, интеллигентность. Каждый считал за честь помочь ей в хозяйственных делах, потому что мужа у нее не было, а единственный сын, Андрюша, тщедушный и низкорослый, совсем спился. Когда это началось, почему, никто объяснить не мог! Он нигде не работал, целыми днями бродил по деревне и бормотал себе под нос:

– Сегодня двадцать, завтра двадцать – будет сорок. И так без конца.

В зимние морозы Андрюша ходил в одной нательной рубашке, был бос. Странно: даже простуда к нему не приставала. С начала весны и до осенних холодов обычно пропадал в лесу, собирая ягоды, грибы, орехи. Продавал все это, пропивал.

Четыре года тому назад, в 1992-ом, насмерть перепуганные бабы нашли его в лесу, рядом с хатой: повесился на осине. Схоронили Андрюшу в дальнем углу кладбища. Мать тогда сильно убивалась о нём. А прошлым летом, под вечер, Никита Петрович Рябцев, лесник, опять столкнулся с Андрюшей. Босой, в нательной рубахе, с веревкой на шее, привязанной к осине, на которой удавился, он кружил под деревом и внятно говорил:

– Сегодня двадцать, завтра двадцать – будет сорок...

Немало повидавший в своей жизни, Никита Петрович едва добрался до дома! Осину приказал спилить.

76

Алексей Кондратьевич Селиверстов всю свою жизнь прожил здесь, в Пальминке. Ничем особым не выделялся. Ушел на фронт почти мальчишкой, отслужил, вернулся, женился, детишки появились. Как ни трудно было, но вырастил их, определил.

Однако война не давала покоя. И хотя жена берегла его, в семьдесят три года Алексей Кондратьевич ее оставил. Схоронили ветерана со всеми почестями. А на поминках казус вышел. Да какой! До сих пор никто объяснить не может!

Сели за стол, оставив усопшему свободное место. Поставили ему на столе тарелку, рюмку – всё, как полагается. Зять Алексея Кондратьевича предложил присутствующим выпить за упокой души. Выпили. И только начали закусывать, слышат:

– А мне?

Все оторопели. Это был голос Алексея Кондратьевича! Стало не по себе! Оказывается: в замешательстве зять в приготовленную рюмку не налил водки...

Мой брат, Сеня, утонул в озере, когда ему исполнилось всего десять лет. Произошло это в 1948 году, через три года после войны. Тогда мы, я и он, жили с бабушкой Таней, потому что отец еще в 1941-ом пропал без вести, маму в тот же год угнали в Германию. Там она и умерла.

Бабушка Таня была совсем старенькой, но доброй. Она сумела скрасить наше сиротство.

– Молитесь за моё здоровье, – повторяла не раз. – Бог даст, выживем! Хоть бы чуть-чуть вас на ноги поставить.

Я никогда не видела ее без дела: то в поле, то в огороде, то в хате управляется. Если какой-нибудь годовой праздник, она белье чинит или вяжет. Это бабушка считала отдыхом. Мы её любили всем сердцем, старались упродить все её желания. Нет-нет, да и скажет:

– Стыдно Бога гневить. Вон, какого супостата одолели. Всего-то три года без войны, а спать ложимся, поужинав!

Одного она не смогла до самой смерти простить себе – не сберегла Сеню. Мало того: часов за пять-шесть перед тем, как утонуть, он рассказал ей сон.

В то утро бабушка Таня разбудила внука пораньше, чтобы отправить с пастухом в поле. Налила в бутылку молока, к ней добавила две картофелины, выдернула луковицу. Сеня пробормотал спросонья:

– Я мамку во сне видел! И сейчас она будто рядом!

– А помнишь ли ты ее? Малой был, три года.

– Очень даже помню. Особенно её платье в горошек!

– В горошек, так и есть. В нем забрали.

– Бабушка, вижу, что мама купает меня. В глаза мыло попало. Их щипит, она успокаивает:

– Как хорошо-то! Теперь всегда чистым будешь!

– Ну, ладно, бабушка, я побежал. Вон уж и Денис Афанасьевич с кнутом идет.

День выдался знойным. Сеня упросил пастуха отпустить его к озеру. Не надолго. Оказалось: навсегда...

Нина Петровна Федорова в 1998 году схоронила мужа. Живет одна. Пенсионерка. Дети в Витебске: сын работает инженером на телезаводе, дочка в школе английскому языку учит.

Мы с Ниной Петровной соседки. Видимся часто: я к ней, она ко мне. У нас телевизор маленький, а у нее – большой. Вместе его смотрим.

Как-то на днях я обратила внимание, что у нее в прихожей, прямо над дверью, висит шапка. Шапка, как шапка, но почему здесь, причем летом?..

– Не удивляйся, – перехватила Нина Петровна мой взгляд, – сама не пойму. Не знаю, что делать с этой шапкой! После смерти мужа я её положила в коробку вместе с другими его вещами: телогрейкой, сапогами, ботинками. Все они довольно поношенные, хотя выбрасывать не стала, а попросила сына отнести на чердак.

Через несколько дней обнаружила, что шапка здесь, на гвозде висит! Спросила сына, не он ли её достал из коробки. Говорит, нет! Опять положили

ее туда. Глядь – шапка снова здесь! И так до трех раз! Я отступилась. Вот уж два года, как она на гвозде. Не трогаю.

79

– Нечего лежать, давай, Миша, покурим, выпьем, как прежде, – обратился вполголоса Алексей Зарубин к своему умершему другу, присаживаясь на свежий могильный холмик.

Он достал из сумки пачку сигарет, бутылку водки, две стопки, хлеб, сало. Одну сигарету привычно зажал уголками губ, вторую положил под крест, и начал не спеша откупоривать бутылку. Едва Алексей успел разлить по стопкам водку и, кивнув головкой по направлению креста, выпить, как лежащая там сигарета задымилась, а из стопки исчезла прямо на глазах водка...

Оставив все, как есть, Алексей пустился бежать. Только в деревне передохнул. Встречные его не узнавали: он был, как лунь, седой.

80

Иван Архипович Козырев вернулся с войны в апреле 1945 года, когда считанные дни оставались до ее победного конца. После ранения он лежал в госпитале и вот теперь оказался дома, где его ждала работа, да еще какая!

Деревню немцы, отступая, спалили. Пришлось недавнему саперу, как на фронте, вгрызаться в землю, чтобы соорудить землянку. Радости не было конца: теперь жена и две дочки погоды не под открытым небом. Скоро Лена и Катя в школу пойдут, а когда воевать с фашистами уходил, совсем маленькими были.

Но, видимо, не долечился в госпитале Иван Архипович. Уже в сентябре его не стало. Вышло, что домой помирать спешил. Жена Козырева, Ядвига Фоминична, так и не смогла справиться с горем. Лену и Катю забрала бабушка. Рассказывали, что по ночам Ядвига Фоминична причитала, все звала Ивана Архиповича к себе. Он приходил, успокаивал ее вплоть до сорока дней после своей смерти, потом начал сердиться, грозился задушить.

Однажды утром соседка нашла Ядвигу Фоминичну в постели мертвой. Никаких признаков насилия не обнаружили. Только ее лицо и грудь были перемазаны собачьим калом.

81

– Бутылку водки поставите мне, если я этой ночью принесу с кладбища крест? – спросил Филимон Красовский, по прозвищу Шарик. – Вместе выпьем. Некого там бояться. Покойники и есть покойники. Прах один. Хоть к лошадиному хвосту привязывай да гони ее во всю прыть!

– Ловко ты распорядился, – перебил его Егор Мацкевич, – коли так, зачем же люди всегда соблюдали и соблюдают похоронный обряд? Все честь по чести.

– Хватит слова на ветер бросать! – закончил спор Прохор Качинский. – Будет тебе пол-литра водки, коли сегодня в двенадцать ночи принесешь с могилы крест. Какое у нас число-то? Ах, да – тридцатое мая тысяча девятьсот тридцать шестого года. Так и запишем!

Наступила майская ночь. Цвела черемуха, поэтому было прохладно, ветрено. Прохор и Егор сидели на скамейке рядом с танцплощадкой, ждали Филимона. Прошло часа три. Пора бы ему вернуться. Кладбище – то километра два от Повяття, не более. Скоро светать начнет!..

Когда утром мужики отправились на поиски Филимона, они нашли его недалеко от кладбищенской ограды. Он стоял на четвереньках и скулил по-собачьи. Рядом лежал крест.

Прожил Филимон после этого три года в конуре и летом, и зимой, бок о бок с сукой Нельмой. Вместе бегали по двору, дружно лаяли, ели из одной миски. После смерти Филимона Нельма выла не переставая. Пришлось её пристрелить.

82

В конце декабря, году так в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом – пятом, возвращался я из клуба. Был двенадцатый час ночи. На улице морозно, градусов под двадцать пять. Слышу: за мной чьи-то шаги. Повернул голову – никого нет. Опять иду, опять чьи-то шаги. Мало того, за спиной будто кричат и клюкой постукивают.

У меня мурашки по спине забегали. Чтобы взбодрить себя, попробовал тихо запеть:

– Любили девушки и нас, – но из этого ничего не получилось, напротив, ноги отяжелели, едва добрался до дома. И тут незадача: на дверях – замок. Только я начал его открывать, как у соседей (жили мы в одном доме) хлопнула дверь, хотя в нее никто не вошел и из нее никто не вышел. Окна на их половине были освещены.

Минут через пять я уже пил чай, размышляя, куда в такое позднее время запропастились родители.

– Нагулялся, беззаботник? – сказал отец, входя на кухню. – Завтра нам с тобой придется рано утром в Лиозно ехать. Только что сосед, Иван Дмитриевич, умер. Мы с матерью весь вечер сидели у его постели. Больной до последней минуты разговаривал, даже шутить пытался. И вдруг умолк. Глядь – а он мертвый. Да, дела людские...

Меня осенила догадка: стало быть, вот с кем я сегодня к дому шел!

83

Мне было тринадцать лет, когда умер дедушка. Странно, но каждую ночь я видела его во сне. Сначала это пугало меня, потом я привыкла, что дед во сне приходит и, как бывало в настоящей жизни, осматривает дом, подворье, сад, иногда садится за стол, о чем-то задумавшись, подолгу сидит.

– Не бойся, внучка, тебя я не трону, живи на здоровье, – вдруг сказал он мне накануне сорокового дня после смерти. – А вот бабушку возьму. Плохо там без нее. Покорми-ка меня на дорожку.

Надо заметить, что бабушка тогда чувствовала себя неплохо. Ещё сама управлялась с хозяйством, держала корову, четырех овец, поросенка, кур. Правда, во время поминок всплакнула, что трудно без деда, душа истомилась...

И вот спустя три дня бабушки не стало. Скончалась она в одночасье.

Никто не помнит, когда на берегу этого озера выросла деревня. Наверное, появилась она вместе с ним, потому что местные жители испокон веков занимались рыболовством. Тем, в основном, и кормились.

Однажды по весне мальчишки самовольно отправились порыбачить. Один из них не вернулся, ушел под лед. Родители горевали о сыне, а мать изо дня в день ходила на берег озера и подолгу сидела здесь.

Вот как-то сидит и слышит голос:

– Подойди, мама, к воде, взглянуть на тебя хочу. Ну, подойди же, подойди!

Она поднялась и направилась к лодке, которая была привязана рядом с причалом. Голос шел именно отсюда, хотя вокруг никого не было:

– Подойди же, подойди, мама!

Едва шагнув в лодку, она увидела за бортом, в воде, почти у берега, странное существо, очень похожее на большого паука: усы длинные, глаза красные, шерсть зеленая и густая...

Хорошо, что хозяин лодки пришел в тот момент ее проверять: в ней он обнаружил женщину, лежащую без сознания.

85

После войны едва ли не всем было трудно: жили в землянках, есть нечего, ни одежды, ни обуви.

Как-то под осень в нашей деревне Вороны угорели Соболевские: и отец, и мать, и бабка, и дочка. Сами то, включая бабку, вскоре отошли, а дочка нет. Уж как они по ней убивались! Нарядили ее как куколку. Туфли даже одели на ноги.

В день похорон к соседям Соболевских приехали из Витебска два парня. Их пригласили на поминки. И вот ночью они решили откопать гроб, чтобы раздеть покойницу. Решили – сделали. Но только открыли гроб, слышат:

– Дверь-то надо закрывать за собой! Кто пришел?

Один из парней сразу упал замертво, другому удалось сбежать. Оказывается: девушка, как и ее родственники, отошла от угара в тот момент, когда вскрыли могилу.

86

Иван Кузин любил выпить. То ничего, то запьет и конца не видно. Так и на тот раз.

Нашли его под забором: не дышит, посинел весь, холодный. Вызвали из района врача. Он осмотрел покойника, разрешил хоронить. Анатомировать не стали: везти в больницу не на чем, сенокос в разгаре. Да и жили тогда бедно, только что закончилась война.

Ивана похоронили, помянули. Фрося, его жена, всплакнула. Хоть и пьяница, все ж мужик в доме, привыкла, троих детей нажили. Сыновья уже женаты, а дочка – школьница, отличница, в седьмой класс нынче пойдет.

На другой день, как полагается, отправилась она на кладбище провести Ивана. Хорошо, что старшего сына с собой позвала. Подошли к могиле, слышат:

оттуда какой-то глухой стук, стон. Они бегом в деревню. Собрали людей, откопали гроб, открыли его. Иван-то жив! Лицо покарябано, глаза дикие, руки скрючены, почти голый...

После своих первых похорон он прожил еще семнадцать лет. Пить бросил, но очень боялся умирать.

87

Случилось это давно: мне моя бабушка рассказывала. Так-то.

Жали девки лен у пана. Уже смеркаться стало, а им надо было домой идти мимо старого кладбища. Идут и видят: на кладбище трое в белом сидят на могиле. Выпивают и тихо песни поют. Песни какие-то нездешние, не как у людей. Один из поющих приподнялся и машет рукой: дескать, к нам, девки, идите.

Те, бедные, онемели. Упали на землю. Пошевелиться боятся. А песни все ближе и ближе...

И вдруг, откуда ни возьмись – конское ржанье, топот копыт.

– Вы чего тут разлеглись? – громко прокричал Павел, жених одной из девушек. – Я вас встречать выехал.

Девки едва поднялись, едва отошли от страха. Павлу обо всем доложили. Тот долго смеялся над ними, потому что на кладбище, по его утверждению, никого не было.

88

Шесть ночей кряду Надя просыпалась от шепота. Вдруг над нею кто-то наклонялся, слегка стонал и голосом сестры Сони повторял:

– Пойдем со мной, пойдем со мной, пойдем со мной...

Сомкнув до боли веки, Надя пряталась с головой под одеяло, почти не дышала, но шепот продолжался. И так часов до четырех утра.

Соня была старше Нади на шесть лет. Она погибла при автомобильной катастрофе полгода назад, когда папа, Вадим Петрович, вез их из Витебска к бабушке в Сенно. До бабушки они тогда не доехали: Соня скончалась на месте аварии, папа два месяца пролежал в больнице, а Наде повезло: отделалась лишь несколькими царапинами.

Измучившись за эти шесть ночей, Надя решила все рассказать матери. Та пригласила священника. После этого Надя стала спать спокойно.

89

Сразу после войны у Дарьи Ильиной заболела дочь чахоткой. До этого красивая была, румяная. А тут за несколько месяцев исхудала и умерла. Очень Дарья убивалась по ней. Хоронили её Галинку всей деревней. Нарядили, как на свадьбу.

Дарья то на погост к ней каждый день наведовалась. Приходит как-то и видит, будто могилка потревожена.

Сказывали, что в деревне Прудняки жил парень. Почему-то его называли «Пистолет». Иногда из Городка приезжали к нему дружки. Компания любила

выпить, покуражиться. В один из таких приездов Пистолет и его друзья откопали гроб Галинки, раздели её. Вещи, вроде бы, продали.

И вот каждую ночь, перед двенадцатью часами, Галинка стала приходить к Пистолету. Протянет к нему сухие руки и молит:

– Отдай мою одежду, отдай мою одежду, отдай мою одежду!..

За ночь Пистолет поседел, дня через три умер от разрыва сердца.

90

У Марьи Носовой пришёл муж с войны целёхонек. Ни одной царапины. Но месяцев через пять приказал долго жить. Ох, она и тосковала же о нём. Плакала днём и ночью. На погост свою дорожку протоптала.

И вдруг (стали люди замечать) Марья изменилась: на лице какая-то виноватая улыбка, да и на кладбище перестала ходить. Соседке обмолвилась:

– Муж сам меня навещает.

Та не придавала её словам особого значения. Время шло. Все решили:

– Слава богу, успокоилась Марья.

Но однажды поздней ночью она прибежала к соседке, вся окровавленная, белея снега. Придя в себя, рассказала:

– Муж начал ходить ко мне каждую ночь. Придёт, сядем за стол и разговариваем. Просил меня, чтобы я об этом никому ни слова. Обещал подарки приносить, как какой-то «срок» выйдет.

Накануне велел мне перед его приходом лечь в кровать. Я же замёрзла на ферме и, хотя кровать-то приготовила, всё же до него прилегла на печку. Слышу: идёт, открыл дверь. И вдруг лицо его изменилось. Глаза налились кровью, губы раздулись, лоб взбугрился.

– Что, догадалась, Марья? На печь забралась? Тогда пососи мой палец! Он сунул его в мои губы. Гляжу: это не палец, а гвоздь.

Муж сразу пропал, я же не помню, как убежала...

91

Не своё смерть никогда не будет трогать, потому что только Богу подвластно: жить человеку на земле или отправиться в мир иной.

Кто смерть видел, тот ее не боится, так как, по их признанию, она появляется с букетом цветов. Правда, цветы очень бледные, но сама смерть-это необычайно красивая женщина. Стройная, черноволосая. Умиравший с удовольствием принимает ее, и они ведут разговор, понятный лишь им. Со стороны кажется, что больной бредит.

Вдруг смерть из красавицы становится старухой, худой и страшной, с косой в руке. Если человеку предначертано умереть, она косой перерезает нить, которая связывает человеческую душу с телом...

92

Январь 1941 года был студеным. Сразу после Нового года ударили морозы. Они держались до конца месяца. Случалось в иной день, что температура опускалась до –30, –32 градусов.

Мы, дети, целыми днями спасались на печке. Выбежим во двор по нужде – и опять в избу. Да и ночью с нее не слезили...

Как-то раз поздним вечером я лежала, как обычно, на печке. Мама вязала носок. Слышно было, как потрескивал огонь в лампе. Так происходило всегда, когда в ней оставалось мало керосина.

Вдруг слышу голос мамы:

– Дочка, пойди-ка сюда. Посмотри в окно. Я спрыгнула с печки и тоже припала к заиндевавшему стеклу:

– Кто это идет по дороге? Я, наверное, обозналась? Уж не Марья ли?

По дороге на самом деле шла наша соседка, тетка Марья, которая умерла совсем недавно и у которой остались сиротами шестеро детей. Она была в обычной одежде, только шла несколько странно, будто прыгала. Когда тетка Марья приблизилась к своей избе, то сразу растворилась в стене. На том месте недолгое время оставалось розоватое пятно...

93

Мой двоюродный брат Иван женился по любви. Но брак оказался несчастлив: он через полтора года овдовел. Так всю жизнь вдовцом и прожил. Никто ему, кроме Аннушки, был не нужен. Дочка, которую она оставила ему, тоже вскоре умерла при очень странных обстоятельствах.

Рассказывали, что Машенька, дочка то его, кричала целыми днями, ничего в рот не брала, лишь ночью успокаивалась. Старушка, которую Иван нанял приглядывать за малюткой, сильно убивалась, а однажды увидела около зыбки какую-то тень. Стала примечать, что эта тень появляется каждую полночь. Наклонится над зыбкой, минут через десять-пятнадцать опустится перед ней на колени – и исчезнет...

Ни с кем словом не обмолвившись, старушка в очередную ночь очертила вокруг зыбки круг, сотворила молитву. Как всегда, появилась тень. Она начала бродить вокруг зыбки. Ребенок заплакал, заметался и неожиданно выпал из зыбки. Старушка бросилась к нему, но он был мертв.

94

Моя мама в дождливом 1946 году простудилась и тяжело захворала. Уж я ее и в бане парила, и редечным соком поила, и бараньим салом натирала – ничего не помогает.

– Оставь меня в покое. Видно, помирать пора, отжила своё, – говорила она. – А ты, дочка, не плачь: судьбу не обойдешь, не объедешь. Я, похоже, свой долг на земле выполнила. Вас вырастила. Все при деле. Уже семьями обзавелись. Мне трех внуков да двух внучат подарили. Пусть хранит Господь Вас!

От этих слов становилось еще печальнее. Раз я выскочила в аптеку. Только вернулась, а она мне:

– Сейчас красивая женщина приходила сюда. Нарядная. Присела на постель, взяла мою руку в свою и только головой покачала. Потом встала, начала манить меня, глазами на дверь показывать. Кто она? Ты её не встретила? Вы не могли с ней разминуться...

На другой день мама скончалась.

Произошло это давно, еще до революции, когда врачей в деревнях и в помине не было. Жили у нас, в Мулярах, муж с женой. Жили дружно, троих детей воспитывали. Забеременела жена четвертым, но занемогла. Ей вот-вот рожать, а она возьми да и помри.

Схоронили её, горемычную. Детки осиротели. Муж в горе. И начала она ему сниться. Только сомкнет глаза, а жена:

– Ты зачем меня в землю живую закопал?

Руки к мужу тянет, сорочку на своей груди рвет. Три ночи подряд так снилась.

Собрал муж родственников, надумали они разрыть могилу. Разрыли: в ногах у женщины лежал еще не остывший труп ребенка. Она тоже была мертва.

Моя тетка прожила без малого девяносто лет. Умерла зимой, на святки. Мороз стоял градусов под тридцать. Собрались мы все, ее родственники. Знаем, что деньги у неё водились, посмотрели там и сям – не нашли. Делать нечего, скинулись, кто, сколько смог, чтобы её похоронить.

Она лежит в гробу, вокруг старушки сидят, о чём-то толкуют. Ближе к полночи я задремала, прилегла в соседней комнате на лежанке. Чувствую: кто-то, шаркая ногами, остановился и шепчет:

– Деньги мои на кухне под половицей, что у печи. Теперь возьмите.

Я вскочила. Спать более не хотелось. Утром мы с родственниками подняли половицу – сбережения тетки Дарьи оказались там.

Жила в нашей деревне девушка Настя. Работала на ферме дояркой. Девушка как девушка. И ребята на неё заглядывались. Да только полюбился ей Андрей, парень кудрявый, весёлый. Бывало, возьмёт в руки гармонь, пройдёт по деревне, даже окна в хатах будто посмеиваются. Девчата за ним гурьбой, а он – сам по себе. Очень о нём Настя тосковала.

И вот что приключилось. Как-то под праздник собрались девки и бабы в бане помыться. А баня-то на берегу озера стояла. Напротив бани, на другой стороне озера, – погост. Выскочила Настя за холодной водой, да и говорит:

– Николай Иванович (так звали отца Андрея, он покоился на погосте)!

– Приди к нам в баньку помыться.

Вдруг вода в озере замутилась. Едва успела Настя вскочить в баньку, как в дверь кто-то начал сильно стучать, за ручку дёргать. В одночасье Настя поседела. А бабы быстренько ополоснулись, оделись.

Когда открыли дверь, она была вся ободрана.

В деревне Хотилы один дед прожил 113 лет. А когда умер, то стал каждую ночь приходит то к одному, то к другому жителю. Придёт перед двенадцатью

часами, сядет за стол и сидит, пока петух не пропоёт. Бояться стали его люди. Чего только не делали.

Нашёлся добрый человек и рассказал: «Его отпеть надо, а после отпевания землю на могилку снести». Так и сделали.

С той поры успокоился дед. Никто его больше не видел.

99

Лет по десять-одиннадцать нам было тогда. Летней ночью пять человек (трое ребят да две девчонки) отправились на погост. Отчаянные, мы хотели удостовериться: правда ли, что по ночам покойники из могил встают...

Сначала храбрились, подбадривали друг друга, а, как подошли к низенькой каменной ограде, совсем растерялись. Один Сенька через неё перепрыгнул – и опять назад.

Пришла я домой, залезла на полати. Лежу и вижу: по углам белые призраки ходят и между собой тихо разговаривают, а на меня иногда пальцами показывают. Жутко стало.

Одеяло на голову натянула – всё равно их вижу. Так до рассвета они меня и мучили.

IV. О леших, водяных, русалках, домовых...

100

– Почему ты не заведешь собаку? – не первый раз об этом спросила у своей сестры Анна Александровна. – Живешь кукушкой, квартира двухкомнатная. Все-таки развлечение! Да и защита. Мало ли что! При случае тяфкнет!

– Решиться не могу, – ответила после короткого молчания Мария Александровна, – ноги отекают в последнее время. С ней, ведь, гулять надо. В квартире держать постоянно – это ж мучить!

– Гулять-то гулять, конечно. Но со щенком прогулки короткие. Там, глядишь, отойдут и твои ноги!

– И то верно. Сегодня же у Любы присмотрю. На днях хвасталась, что у таксы щенята хорошие, не знает, кому продать.

– Давно бы так. Я без своей Сандры – ни шагу. Представить трудно, если б её не было.

Проводив сестру, Мария Александровна, чтобы не раздумать, отправилась к Любе, жившей с нею в одном доме, в одном подъезде, на первом этаже. В квартире на звонок раздался собачий лай.

– Проходите, проходите! – приветливо встретила соседка. – Обувь не снимайте: у нас не принято. Живем по-простому. Порядок нам ни к чему. Без такой чепухи обходимся.

И, правда, в квартире – не перешагнуть! Повсюду тряпье, грязные миски, кости, хлебные корки. Воздух был настолько сперт, что у Марии Александровны закружилась голова. Сдерживая дыхание, она обратилась к хозяйке:

– Люба, давай-ка всех собак на улицу выведем. Пусть погуляют, я себе щенка выберу.

– То-то круто! Давно пора. Зачем попусту на свете жить! – приговаривала Люба, издавая языком разные звуки, в то время, как рядом с ней лежали, стояли, копошились собаки разных пород, возрастов и мастей.

Минут через пять все они были на улице, в сквере, пугая прохожих. И тут Мария Александровна сразу заприметила темно-каштанового щенка, который, приподняв кривую лапу, поспешил облегчиться под березкой.

– Его покупаю, Люба!

– Барсика? Ладно, уступаю. А, помниться, говорила, что в собаках ничего не смыслишь!

Она поймала Барсика. Рассчитавшись с Любой, Мария Александровна поднялась в квартиру на седьмой этаж. Выкупав щенка, соорудила ему лежанку, поставила для еды мисочку, положив в неё кусочек мяса. Барсик сначала вел себя спокойно, потом стал скулить, мясо даже не понюхал.

Марии Александровне пришлось почти всю неделю нянчиться с ним.

Однако беспокоило её не это. Появление Барсика в квартире вызвало нечто ужасное: теперь по ночам она просыпалась от шагов, которые слышались то в комнате, то на кухне, то в прихожей и которые сопровождались сопением, покашливанием, стоном, а каждое утро халат, тапочки, сумка находились не там, где их оставляла накануне. Полотенце тоже висело не на своём месте, кастрюли на плите были переставлены. Однажды оказался открытым настёж холодильника...

Мария Александровна позвонила сестре.

– Сейчас буду, – успокоила та, – объяснишь поподробнее.

Спустя час они вместе сидели на кухне и обсуждали случившееся.

– Только домовой может позволить себе подобное, – уверяла Анна Александровна. Видно: не по нраву пришелся ему Барсик. Возможно, ревнует.

– Что ж, вернуть его Любе? Жалко. Привыкла к нему. Он от меня с дивана не слзлит!

– Не тужи очень-то. Есть у тебя святая вода?

– Есть.

– На ночь побрызгай ею в квартире. И так сделай несколько дней подряд. На столе оставь что-либо из еды.

– Думаешь, поможет?

– Поможет!

Действительно, советы сестры пришлись кстати. Барсик же у Марии Александровны живет до сих пор.

101

Своими глазами видел. Да и в лодке-то был не один. Игорь, мой друг, может подтвердить. Вместе рыбачили. Вы, конечно, подумаете, мол, выпили мужики. В том-то и дело, что ни грамма!

– Значит, так! Как обычно, отправились на озеро чуть свет. При нас – необходимые снасти. Сразу за работу. На этот раз нам везло: вокруг никого, хотелось душу отвести.

– Улов-то какой, мать честная! – не сдержался Игорь. – Давно так круто не отоваривались. Есть, что продать.

– Продать, а рыбнадзора не боишься? – напомнил я ему прошлогоднюю волокиту, когда нас застукали по наводке покупателей. – Тоже мне, раскатал губы.

Игорь согласился:

– Да, хреновато с этим сейчас, но все же приятно, если такая рыбка прёт. Я вот...

Голос его заглушил плеск воды. Я обернулся – Игорь за бортом матерился и отплевывался. Держаться на воде в одежде и сапогах ему было трудно.

– Баба, сука подколотная, стянула меня с лодки!

– Держись, сейчас помогу! – старался я его успокоить, протягивая весло. – Тебе и на рыбалке бабы мерещатся.

Он ухватился за него, лодка круто накренилась, но все обошлось. Игоря из воды удалось вызволить.

В это время над носовой частью лодки показалось женское лицо с распущенными волосами и мы услышали залихватский смех. Лодка опять накрени-

лась. Признаюсь: до той поры я никогда не испытывал такого страха. Сердце сжалось. Об Игоре и говорить нечего. Не помню, сколько минут длилось наше оцепенение. Смех прекратился.

До берега едва добрались.

Теперь я в лодку ни ногой...

102

Евгений Петрович Высоцкий, уроженец деревни Автушково, прожил в ней более семидесяти лет. Любая тропинка ему в округе знакома. Кажется, завяжи глаза, заведи куда-нибудь, он дорогу до дома всё равно найдёт. А вот на тебе! Два года тому назад с ним произошла забавная история.

Грибов Бог дал тогда, хоть косой коси. Зато дождь надоел: с большим трудом, но все же удалось сено заготовить. Тут-то и про грибы вспомнили. С утра, правда, Евгению Петровичу пришлось калитку поправить, забор починить, чтобы перед шурином не было стыдно (тот на днях хотел навестить), а после обеда он решил в лес податься.

– Возьми меня с собой, – попросила жена.

– В другой раз. Сегодня я только разведаяю, где и какие грибы имеются, – прервал он её. – Жди, буду через пару часов.

– Ладно, разведай!

Однако вернулся Евгений Петрович лишь утром. Принёс корзину грибов. Был крайне взволнован. За чаем рассказал, что заблудился. Направлялся к дому и вновь оказывался на том же месте. И так до трех раз!

– Своими глазами лесовика видел, – признался он. – Хочешь верь, хочешь не верь! Когда понял, что до рассвета не выберусь отсюда, сел передохнуть. Глядь – передо мной пенёк зашевелился, громко чихнул и стал медленно удаляться...

После чая Евгений Петрович перекрестился (чего с ним никогда не было).

103

Бабушка моя, Аграфена Кирилловна, жила на самом краю деревни. С детства я привязалась к её уютной избе с геранью на подоконниках, жаркой печкой, запахом свежее испеченного хлеба и всегда ждала, когда мама опять возьмет меня с собой в Орешинки.

Особенно хорошо было в Орешинках летом. Прямо за бабушкиным огородом начиналось поле. С левой стороны оно почти вплотную подступало к речке. Когда начинала поспевать рожь, хотелось убежать туда, нарвать васильков, спрятаться в этом золотом раздолье.

Но бабушка строго-настрого приказала без неё не ходить за околицу.

– Русалка защекочет да утащит в воду, будешь знать, – ворчала она.

– Какая русалка? – не унималась я.

– Обыкновенная, которая в речке под корягой сидит.

– А, что, кого-нибудь уже утаскивала?

– Конечно! Мала ты ещё, но все-таки расскажу.

Было это за год до твоего рождения. Такая же, как ты, смелая, приехала к бабушке погостить. Жара стояла – дышать нечем. Бригадир отправил баб рожь жать. Внучка увязалась за бабкой. Бабка жнёт, она рядом крутится. Жала-жала, глядь – той нет! Туда, сюда – нету. Все бабы всполошились. К речке бросились. Пропала, да и всё! Долго искали. Бабка чуть руки на себя не наложила. Будто умом тронулась.

С тех пор, как рожь поспевает, можно услышать песню русалки. Она – то, видно, тогда и украла внучку. Поёт, нянчит её, иногда громко смеётся. Видели её люди: в рожь выползала.

104

Недалеко от Суража есть деревня Слабода. К ней почти вплотную подступают леса. Моя мама родом оттуда, поэтому, когда вышла на пенсию, снова переехала в Слабоду.

Едва сходит снег, я тоже спешу в деревню. Кажется: нигде нет такого заповедного места. Здесь особый воздух, небо выше, прозрачнее.

В прошлом году мы с друзьями отправились за орехами. Вышли из дома рано утром и к обеду готовы были вернуться. Сели передохнуть, покурить перед дорогой. Но тут услышали странную мелодию. Она то затихала, то вновь набирала силу, завораживая своими звуками. От неожиданности и любопытства мы забыли о сигаретах.

– Давайте проверим, кто это, – предложил самый младший из нас, Игорь.

Все дружно поднялись и пошли туда, откуда доносилась мелодия. Не успели сделать и тридцати шагов, как увидели на поляне трех девушек в длинных белых платьях. Взявшись за руки, они кружились в хороводе, пели.

– Откуда они взялись? – удивлялся Игорь. – Я их не знаю. Ни в Слабоде, ни в Сураже таких нет!

– Красавицы, можно к вам? – крикнул Толик. Он еще не закончил фразу – девушки исчезли, словно испарились! Будто их не было! Ошеломлённые, мы на полянку не рискнули выйти...

А когда кому-нибудь рассказывали об этом, догадывались: нам не верят!

105

Домовые разные бывают. Мама частенько говорила:

– Ты с ним по-доброму, он тогда вдвойне отблагодарит. Иначе нельзя!

А моя семья, возможно, только благодаря ему выжила. Послушай, коли интересно.

В 1948 году, под осень, как обычно умаявшись за день, мы все легли спать. И вдруг в полночь кто-то меня за плечо трясет. Очнулась – никого! Спать расхотелось. Встала, зажгла лампу. Проснулись дети и давай один за другим на двор бегать за малой нуждой. Они потом опять уснули, зато я места себе найти не могла. Не спится, и шабаш! Отдернула занавеску на окне, которое на двор выходило, и села к нему вязать носок.

Когда рассветало, пошла доить корову. Батюшки мои! Дверь в хлев настежь, замок на земле валяется. Ну, думаю, украли кормилицу нашу. Пропали

мы теперь! Как жить? Вошла в хлев – лежит Зорька на своем месте. Обняла я её и заплакала...

Так что ночью воры за ней приходили. Всё подготовили, чтобы через двор увести, но мы проснулись и помешали им это сделать.

Вот вам и домовой! Он меня разбудил.

106

Илья Григорьевич Полищук большую часть времени проводил в лесу. Так уж он был устроен. Дома появлялся тогда, когда надо было помыться в бане, взять с собой кое-что из продуктов, навестить жену, чтобы о нем, как говорится, не забывала.

Детей с Анной им Бог не дал, хозяйство держали немудреное: двух коз с козлятами, поросенка, кур. Со всем управлялась Анна, давно смирившаяся с чудачествами мужа. За совместную с ним жизнь она научилась не только рубить дрова, поправлять забор, но и сложить печь, за что её почитали односельчане.

Удивительнее всего, что Илья Григорьевич не был ни лесником, ни объездчиком, то есть не имел к лесу никакого прямого отношения. До самой пенсии он работал сторожем на машинном дворе. Однако леса лучше его никто не знал. На сотни километров Илья Григорьевич с каждым деревом был на ты! Казалось: вся лесная живность знает его в лицо. Белок он кормил из рук, птицы часто садились ему на плечи, даже кабаны позволяли почесать у себя за ухом.

В прошлом году, на Купалу, Илья Григорьевич, как обычно, отправился утром в лес. Анна знала, что дней пять-шесть ждать его нечего. Но нет, к обеду он вернулся! Сам не свой. Прямо лицом почернел. Направился к иконе, бух на колени и давай молиться.

– Что случилось-то, Илья! – спросила жена. – На тебе лица нет. Уж не заболел ли?

– Заболеть не заболел. Хуже! В себя прийти не могу!

– Что так?

– Не такай, дай немного дух перевести. Впервые это со мной! Иду я, значит, тропинкой мимо болота. Слышу – кукушка. Сел я покурить. Дай, думаю, посчитаю, сколько она еще мне жизни отмерит. Только досчитал до тринадцати – позади голос:

– На чужие года заришься?

Я обернулся. Кто был – не пойму! Ростом за два метра, покрыт шерстью, голова огромная, уши оттопырены, в руках – здоровенная дубина. Так посмотрел на меня, что я прирос к пню.

Потом это чудо сделало несколько шагов в сторону болота и исчезло!

107

Что ни говори, а настоящий хозяин в доме – домовой. Моя мама этому правилу строго следовала: и еды ему на столе оставит, и рукавицы в печурку положит, нет – нет да и поговорит с ним. Поэтому у нее во всем был порядок. Печка не дымила, молоко раньше времени не скисало, посуда не билась.

А как я попала к свекрови, Боже мой! До домового ли тут? Ничему и никому места нету. Кошки и те больше года не живут. Вечно дым коромыслом,

горшки бьются, стекла в окнах лопаются. Дня не пройдет, чтобы что-нибудь не приключилось.

Пока с нею жила, так и мучилась.

Нельзя домового не почитать!..

108

Мне тогда исполнилось двадцать пять лет. Уже двоих детей с мужем имели. Не боялись тогда рожать, хотя после войны несладко жилось. Мой Иван Антонович пришел с фронта калек: в танке горел, когда освобождали Варшаву. Левую руку пришлось отнять. Однако женихом оказался завидным: нас, девок, много, а он в деревне почти один. Меня все-таки выбрал. Жаль: счастье было коротким – семь годков! Так что пришлось сына с дочкой самой на ноги ставить.

Погиб Ваня во время пахоты от осколка разорвавшегося снаряда, который лежал в земле с войны. Видно, мстили ему фашисты за его храбрость и отвагу.

Помню: накануне я видела сон, но не придала этому значения. Глупая была. Присел, будто маленький седенький старичок ко мне и говорит:

– Спи, отдыхай пока, молодка. Скоро тебе много сил понадобится. Ох, как много! Пашня-то начала дымиться!

Потом встал, положил сухонькие ручки мне на грудь, отчего сразу перехватило дыхание, и три раза отчетливо произнес:

– Худо, худо, худо!

Я сразу очнулась. Никого нет, только вроде бы запахом шалфея отдает в избе.

Через день Ванечка погиб...

109

Жена долго уговаривала меня продать квартиру в Витебске и перебраться сюда, в деревню Раины. Наконец, я сдался.

И вот мы здесь. Купили хороший дом. Есть и баня, и сад, и огород. Но первое время я никак не мог привыкнуть. И то не так, и это не так. Одно привлекало: было, куда приложить руки. А мастерить я сизмальства любил.

Вскоре с женой начали замечать: что-нибудь да пропадет. Чаще всего это касалось моих инструментов. Например, никого рядом нет – молоток исчез, а то рубанок неизвестно куда подевается. Ищи не ищи, как сквозь землю проваливаться!..

Как-то пригласила меня соседка-старушка поправить печную трубу. Слово за слово, разговорились. Тут я и рассказал ей о своих пропажах.

– Не беда, – прервала она меня. – Это домовый шалит. Будьте с ним поласковее. Иногда на столе еду оставляйте. Он все вернет.

– Вы шутите, Варвара Петровна?

– Нет, не шучу.

Совет её пошел нам на пользу. Верьте – не верьте, а через несколько дней инструменты были на месте. Пропадать они тоже перестали!

В году так шестьдесят пятом, поздно вечером, возвращались в Смоловку две женщины. Идти пришлось лесом. Неожиданно налетел ветер, стало темным-темно, а в лесу что-то загукало, слышались смех, крики, стук топоров, будто человек пятьдесят вышли вырубать делянку. Женщины поспешили добраться до Смоловки, рассказали обо всём бригадиру.

На утро он оседлал жеребца, съездил на указанное место в лес. Не только деревья вырубил, но и трава там была не примята.

111

Люди рассказывали, что в Смолокурах жил когда-то знахарь Авдей. Человек он был добрый, бескорыстный. Все его уважали. Дом Авдея стоял на краю деревни. Куда бы он ни уходил, куда бы он ни уезжал, двери не запирал. Знал, что никто и ничего у него не возьмёт.

Однажды забрёл к нему странник. Авдей как раз был в отъезде. Смотрит странник: никого в доме нет. Задумал поживиться. Полез в сундук. Крышку-то открыл, даже деньги там нашёл, а взять их не смог. Крышка его руку так зажала, что ни взад, ни вперёд. Неделю сидел, измучился весь, пока Авдей, вернувшись, его не освободил. Чудно!

112

Кум мой, Антон Кузьмич, когда ему было лет сорок, пошёл в лес по грибы. Грибник был отменный. Люди ходят-ходят, а всё с пустыми руками вернутся. Он же обязательно полную корзину наберёт. Каждое дерево знал в лесу нашем. Но и с ним однажды конфуз вышел.

Как всегда, собрал он в корзину грибы и домой нацелился. Шёл, шёл, глядь – снова на том же самом месте. Удивился, посмеялся над собой и – в дорогу. Повторилось то же самое. Сел на пенёк, отдохнул, уточнил для себя:

– Так, вот он старый дуб, рядом две ели, от них прямо идти на кривую берёзу и дальше – деревня Смолокуры.

Отправился в путь опять. До деревни рукой подать, а он вновь в лесу, у пенька, оказался. Уже темнеть стало. Антон Кузьмич – человек не из робких, но тут разволновался, будто кто-то следит за ним...

Вспомнился давнишний совет бабки Арины:

– Коли заблудишься в лесу, поменяй обувь с левой ноги на правую, а с правой на левую.

Он поменял, успокоился и пошел в Смолокуры.

Домой он добрался в полночь, усталый и почти больной.

113

Семья Беловых жила в деревне Прудняки. Сама хозяйка, Авдотья Михеевна, была родом из Зари, что рядом с Прудняками. Вот и собралась она с мужем навестить родственников, а дома присматривать за хозяйством оставила дочку.

Поехали они на два-три дня. Для того, чтобы дочке не было скучно, разрешили ей позвать подругу. Подумали, что та ей заодно и по хозяйству поможет.

Под вечер, когда корова вернулась с поля, Катя (дочка Авдотьи Михеевны) пошла её доить. Доит и чувствует: кто-то гладит её по спине. Обернулась – никого нет. Снова начала доить – опять чья-то рука легла ей на плечи. Катя громко закричала, корова опрокинула ведро с молоком, стала рогами бить в дверь хлева.

По дощатому настилу катился в угол чёрный клубочек! Во все стороны от него сыпались искры. Вскоре на шум прибежала подруга. Обе они попытались отыскать этот клубочек, но так его и не нашли.

114

В старину лешего старались задобрить или замолить. Без этого он не даст ни грибов, ни ягод. Пойдешь за ними, будешь их искать, а все впустую. На то он и хозяин.

Мало того, леший еще и потешаться станет: заведет куда-нибудь в глухомань – и не выберешься. Захочешь обратную дорогу найти – не найдешь. Так и будешь по одному месту кружить. Это я не с чужих слов говорю, самой такое пришлось не раз испытать.

115

Существует поверье, что если в купальскую ночь в чужом курятнике поймать петуха, ощипать его, сварить и целиком съесть до двенадцати часов, то можно смело идти искать клады, поскольку ты будешь видеть, где они зарыты.

Смолоду я был парень заводной, да и друг мой, Костя, тоже мне в этом не уступал. Так мы и сделали. Одно нас подвело: пока петуха варили, уснули.

Очнулись от громкого, короткого смеха. В комнате никого не было, дверь заперта изнутри, но мой котелок и котелок Кости – пусты. Мало того, наши ноги были связаны, а узел такой, что мы его едва-едва распутали.

116

Повадился к нам в деревню в пятьдесят пятом или пятьдесят шестом году волк. Овец не резал, а жителей пугал до смерти. Огромный, шерсть клочьями. Кузьма Беспалов как-то выследил его, стрелял почти в упор, а его пуля не берет... Целехонький ушел. Недели две не беспокоил нас, потом опять донимать стал. Главное: детишки боялись в школу ходить.

– Оборотень, а не волк это, – сказал Платон Величко. – Его обычной пулей не возьмешь. Надо отлить серебряную. Я почему уверен в этом? Да потому, что собака его след не берет.

Сказано – сделано. Отлили пулю, и после очередного волчьего нашествия на деревню мужики ночью устроили засаду в лесочке, прямо за фермой. Кузьма, охотник опытный, убил его серебряной пулей наповал. Вернулись в Ломачино.

А утром крик по деревне: в лесу, за фермой, нашли убитым скотника Федота...

С тех пор волк больше не появлялся. И все о нем почти забыли.

Леший злопамятный. Обижать его нельзя. Ну, а если ты ему понравился, все дары леса тебе отдаст: и зверя, и птицу, и грибы, и ягоды. На, пользуйся!

Особенно леший не жалуется жадных. Как-то отправился поохотиться Михайло Снегирев. Михайло – мужик прижимистый, за что его часто упрекали соседи.

Время для охотника – лучше не бывает. Не ленись, знай стреляй. Дичь сама прёт. Сел он на полянке, перекусил и только настроился на охоту, как вдруг выходит на полянку мужичок. Низенький, но кряжистый, густым, почти зеленым волосом заросший, без бровей, нос картошкой, на голове старенький картуз, ветхие портки, босой. Пальцы на ногах, будто из корней деревьев.

– Куда, почтенный, путь держим? Не найдется ли ломтя хлеба? – спросил он у Михайлы. Михайло с досадой прервал его:

– Много вас тут шляется, на всех не напасешься!

Мужичок низко поклонился, пошел своей дорогой. А Михайло Снегирев принялся охотиться. И зверей, и птиц видимо-невидимо, а толку нет: то с близкого расстояния попасть в них никак не может, то осечка за осечкой, то своим кашлем всех спугнет. И откуда такой навалился на него? В довершение всего – чуть в болоте не утонул.

– Дурак, не догадался, что лешего встретил! Ведь это он хлебушко просил...

В деревню Верхнее Кривино можно быстрее попасть, если идти не по шоссе, а по проселочной, затем через речку по кладке. Я так и сделала.

Речка течет медленно, берега у нее пологие. Почти вплотную к воде подступают рожь и овес. К середине лета они так вытягиваются, что речка начинает казаться гладкой дорогой, пролегающей меж хлебов. В это время хорошо по ней плыть на лодке.

Иду я, значит, по кладке и вижу: в воде – девушка. Лежит вверх лицом, глаза открыты, одной рукой себе грудь гладит. Волосы у нее длинные, по воде струятся, глаза зеленые. Почему я говорю о ней подробно? Потому, что сначала не поняла, кто передо мной. Не испугалась, а во все глаза начала рассматривать её. Душа в пятки ушла, когда я заметила, что она манит меня к себе пальцем и кивком головы.

Вдруг она резко развернулась и слегка ударила по воде хвостом.

Мигом я оказалась на другом берегу. Рассказала обо всём тётке Марине. Она напоила меня чаем. Отдохнув, мы договорились с ней сходить на речку.

Пришли. Она пробежала по кладке, потом я. Никого...

Кто бывал в Сенно, не может не знать об этом странном озере. Местные жители говорят, что оно не замерзает до тех пор, пока в нем не утонет кто-либо. И так каждый год.

На мое тридцатилетие собралось много гостей. Пока то да се, некоторые из них отправились на озеро. Купаться никто не собирался, а прогуляться захотелось. Да и день тогда выдался яркий, теплый.

Вдруг Андрей Иванович, коренной минчанин, предложил желающим покататься на лодке. Все отказались. Он не настаивал. Скинул пиджак, закатал рукава, отвязал одну из лодок, мостившихся у берега, и стал ловко грести. Видимо, ему позавидовал Сергей Сергеевич, потому что тоже последовал за ним в другой лодке. Прошло минут двадцать. Оставшиеся на берегу поняли: случилось что-то неладное, первая лодка перевернулась. Кто-то отвязал третью, и уже в ней не один а двое поплыли вслед за Сергеем Сергеевичем, который бросился в воду на помощь Андрею Ивановичу.

Андрея Ивановича удалось спасти. Когда его откачали, он забормотал:

– Первый раз... раз зеленоглазую-ю-ю встре-ре-тил. Оста-та-вьте с ней... Сам-ам за не-ней прыг-ну-нул. А-а ка-кой хвост...

Его отвезли в больницу. Он вскоре поправился. А спустя месяц, на озере утонул рыбак. И в ноябре оно замерзло.

120

В деревне Высокое церковь разрушена с тридцатых годов. Бабушка рассказывала, что стояла она на видном месте, а звон ее колоколов слышен был по всей округе.

– Разрушили церковь, и вся жизнь пошла наперекоски, – подчеркивала бабушка. – Али не так? Почему Гузенек горбатый? Только потому, что в то проклятое время полез под купол снимать икону Богоматери. А кто тогда ему помогал? Фрузка да Зинка! И той, и другой позднее мялкой правую руку отрезало. У Господа все на учете. Ох, и во грехе же мы живем!

121

В каждом доме живет домовый. Так уж заведено. Не надо его бояться, а надо любить свой дом, содержать его в порядке. Вот и домовому поглянетесь.

Ну, а коли домовый будет вами недоволен, то начнет беспокоить вас: что-нибудь да спрячет, посудой гремит, соль рассыпет, пуговицы оторвет, в чистое белье грязное набросает. Мало ли чего он натворить сможет! Ему, хозяину дома, виднее.

Бывает, что и спать не даст. Навалится, сдавит грудь своими мохнатыми лапами и сопит. Бабушка рассказывала, что в такие минуты надо набраться духу и спросить у него:

–К добру или к худу?

Он и ответит: – К добру-у-у-у!

Или выдохнет: – К худу-у-у-у!

Что он предскажет, то и сбудется...

122

Русалки показываются тем, кто Богу не молится.

В нашей деревне жила такая баба. Дарьей звали. Все в церковь в святые

дни, а она самогонку гонит да сквернословит. И вот как-то летом, под вечер, возвращалась она с покоса. Устала, конечно. Подошла к речке, чтобы умыться. Вдруг слышит голос:

– Дарья, ходи сюда! Я тебе волосы расчесу. Такой же красивой, как я, станешь.

Видит Дарья: под ракитой девка сидит. Волосы у неё черные по плечам рассыпались. Она их пальцами расчесывает. А пальцы костлявые, длинные. Даже слышно, как стучат.

– Не бойся, — продолжает девка, тебе хорошо будет.

Ноги у Дарьи стали свинцовыми – от земли не оторвать.

– Господи, помоги! – едва прошептала она.

И только после этого смогла сдвинуться с места.

Сделала несколько шагов, а потом наутёк.

А вслед ей: «Ха-ха-ха! Ухти!»

123

В каждом доме есть домовый. Только никто его не видит. А вот услышать можно.

Соседи мои недавно отстроились. Ну, перешли в новый дом, живут, радуются.

Сидят как-то вечером, телевизор глядят. Вдруг за дверями: «Стук, стук, стук! Вышел Иван за дверь (соседа Иваном зовут): «Кто тут?» Никого. Опять телевизор глядят. И опять: «Стук, стук, стук!» Иван снова за дверь. Никого!

Весь вечер такое приключалось. Уж спать пора, а Ивана и его жену, Марью, сон не берет. Наконец, догадались: побрызгала Марья по углам святой водой, что мать накануне дала. И сразу стук прекратился. Так-то. Домовой порядок любит.

124

За несколько дней до войны мы с мужем вернулись от моих родителей. Они жили в соседней деревне, а мы, молодожены, ездили к ним погостить и помочь по хозяйству.

Дома нас ждал самовар. Попили чаю и рано легли спать, потому что утром надо было гнать стадо на пастбище. Дело в том, что подошла наша очередь, и свекровь решила, что мой муж и я неплохо справимся с этим.

Уснула я сразу, видно, крепко. Но вдруг почувствовала, мне трудно дышать, кто-то наваливается на грудь, тяжело дышит и пытается погладить по плечу мохнатой рукой.

– К добру или худу? – едва прошептала я.

Мне показалось, что и слов-то моих не было слышно. Однако я сразу услышала ответ:

– К ху– ду – к – худу!

Тут я окончательно очнулась. И до утра не сомкнула глаз. Прошло семь дней, а 22-ого июня напали на нас. В июле, также 22-ого, мой муж, Богданов Иван Тимофеевич, пал смертью храбрых в бою.

Эту историю рассказал мне дедушка. Произошла она после первой германской войны. Тогда колхозов еще не было, жили своим хозяйством. Не то, чтобы богато, но нужды большой не знали.

Как-то он пополудни возвращался с ярмарки домой. Продавал муку. С ним были деньги. Ехал он один на телеге по лесу. За минуту все потемнело, налетел ветер, телегу опрокинуло, дед упал и сильно ушиб ногу.

Когда он с трудом поднялся, в лесу было тихо. На небе не было ни облачка. А вот с его телеги сорвало два колеса: одно переднее и одно заднее. Как ни старался дед, вокруг телеги их найти не смог. И вдруг его словно осенило. Он поднял голову: одно колесо висело на верхушке невысокой сосны по одну сторону дороги, второе – тоже на верхушке сосенки – по другую сторону.

Дед снял их, поставил на место, недоумевая, как такое могло случиться, и продолжил свой путь.

После Духова дня наши мужики стали примечать, что с Пашкой Груздевым неладное творится. И время, неподходящее для рыбалки, и рыба не клюёт, а он все бегом да бегом к Каменке.

Решили раз проследить за ним. Он к Каменке – они следом. Пришли. Пашка разделся донага, залез под ракиту, что склонялась над водой, и ну хохотать:

– Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

– Ой-ой-ой-ой! Ой-ой-ой-ой!

Кто посмелее, решились подойти к нему поближе. Глядь – он не один, а с девушкой.

– Только откуда она взялась? – Может, заранее поджидала?

Прошло минут двадцать. Слышно было, как Пашка с ней горячо спорил, в чем-то её убеждал. Наконец, раздался плеск воды, голоса стихли. Пашка оделся и около часа, понурый, сидел на берегу. Когда он, пройдя мимо них, возвращался в Анисимовку, мужики затаились.

Через три дня всё повторилось. Правда, Михаилу Ильину, самому проворному из мужиков, удалось совсем близко пробраться к Пашке.

– Мужики! Пропащее дело: ведь он с русалкой забавляется, – сокрушался Михаил. – Давайте отвадим его.

На том и порешили, полагая, что Пашка отправится к ней через три дня. Пока обдумывали, как и что предпринять, советовались кое с кем, Пашка на другой день повесился на той раките, под которой со своей русалкой миловался. Вокруг была рыба чешуя, величиной с пятак. Откачать его не удалось. С той поры это место в народе проклято.

Эту историю я услышала от своей мамы, Федосьи Трофимовны Прохоренко, и передаю ее слово в слово:

«Как мы пережили эту войну? Если бы не ушли в лес к партизанам, про-

пали бы. Сколько деревень фашисты сожгли! Не верилось, что наши придут! А вот дождались! Слава Богу! И на запад врага погнали, и Победу праздновали!

Я тогда чувствовала себя самой счастливой. А как же? Фашистов разбили, муж с войны вернулся. Детей всех пятерых сохранила. Только жить да жить. Нет, судьба повернула по-другому.

Надо же, накануне беды я сон увидела: будто возвращаюсь откуда-то на лошади, а дом стоит обугленный. Въехала во двор, выпрягаю лошадь, вижу, что около дома гуляет седенький старичок. Борода у него белая и длинная-предлинная, в руках – палка. Он этой палкой по углам дома постукивает. Я его спрашиваю:

– Как же теперь в таком доме жить будем?

– Не горюй, хозяйка, – отвечает он, – придется жить. Деваться тебе некуда. Дом целёхонек, лишь крыша сгорела.

Через семь дней умер ваш отец, прожив после Победы восемь месяцев. Сказались старые раны. Вот вам и сон: крыша, то есть хозяин, сгорела; дом – это вы и я. Он, хотя и черен, но цел. Так и живем...»

У. О полтергейстах

128

Прошлой весной я возвращался из Лиозно в Витебск. Был конец мая. Как ни отказывался, теща нагрузила полную сумку: мед, сметана, молоко, десятка четыре яиц.

– В багажник сумку не ставь, – приказала она, – а то продукты бензином провоняют!

– Не провоняют! – убеждал я.

– Как же не провоняют, если из-под багажника труба с дымом торчит?

– Ну, и что!

– Нет, Алеша, уважь меня. Хочу, чтобы внучата настоящей сметанки поели.

– Ладно, Екатерина Петровна, пусть сумка здесь, на заднем сиденье, едет, – сдался я. – Доставлю всё, как полагается.

Только я добрался до Лучиновки, начался дождь. И тучка вроде небольшая, но гроза настоящая, майская. Гром гремел, не переставая; крупные капли барабанной дробью били по стеклу, пока я ехал до Еремино. На околице деревни увидел старушку. Простоволосая, в руках, кроме палки, ничего нет, одета обычно. Она проголосовала. Остановился.

– До Ворон мне надо. Ох, как надо-то! Не откажи. Все равно один едешь!

– Откуда знаешь, что один? – удивился я.

– Так вот, вижу.

Я вышел из машины. Протер стекло. Туча свалила за лес, и хотя гроза ослабела, дождь там продолжал рьяно месить землю.

– Устраивайся, бабуся, – сказал я, открывая заднюю дверцу. – Сумка тебе не мешает?

– Нет.

Сел и я в машину. Старушка одобрительно кивнула мне головой. Мы поехали.

– Вороны, бабуся! Готовься на выход! Где высаживать? – обратился я к ней. Ответа не последовало. Повернул голову и обомлел – ее в машине не было. Сбросил скорость, притормозил, не веря своим глазам. Тещина сумка тоже исчезла. Съехав на обочину, долго потом простоял, боясь взяться за руль...

129

Семья Луговских жила в небольшом домике на краю Дуковщины. Глава семьи, Вадим Сергеевич, работал механизатором, его жена, Ольга, – продавщицей в местном магазине, дети ходили в школу: Наташа в четвертый класс, Никита во второй. Хозяйство Луговские держали большое: двух коров, свиноматку, овец и всякую живность.

Вадим Сергеевич не просто числился механизатором, он был механизатором от Бога, имел золотые руки. Таких, как он, раз, два – и обчелся. Начальство давно предлагало ему дом, где семье будет попросторнее, удобств побольше. Вадим Сергеевич то соглашался, то отказывался. Не хотелось срываться с насиженного места: здесь родился и вырос, отсюда взяли на службу, сюда привел любимую жену, тут дети на свет появились.

– Маленькую шубку не продувает, – обычно отшучивался он, когда в очередной раз напоминали ему о новом доме.

Наконец, решился. Переехали Луговские в начале апреля. Вроде устроились. Просторно, светло. У каждого своя комната. И вдруг накануне Дня Победы ночью запахло дымом. Хорошо, что не спали. Где горит, не поймут.

– Папа, папа, сюда! – закричал Ваня из прихожей. – По стене огни бегают! И правда, по стене будто молния, потом пропала.

Спать расхотелось. Утром Вадим Сергеевич заскочил до работы к электрику, рассказал, что и как произошло. Тот обещал помочь. Пришел и удивился:

– Какой огонь? Откуда ему взяться: в стене проводов нет!

Однако ночью всё повторилось. Электрика сменил инженер. Поменяли в доме проводку – огонь продолжал вспыхивать в одно и то же время...

Луговские вынуждены были вернуться в старый домик. Этот же до сих пор пустует: никто в него не идет!

130

Чуть севернее Городка, по дороге на Петербург, есть деревня Поташня. Несмотря на то, что с незапамятных времен она выбрала себе бойкое место, здесь тихо, уютно. Поэтому, проехав через Поташню, хочется сюда вернуться, посидеть у чьей-либо калитки...

Несколько лет тому назад в деревне построили часовенку. Поставили крест, который перевезли с околицы. Там он стоял более двухсот лет, с Екатерины Великой. Установили его, когда императрица посещала Крым. Каменный, замшелый, три метра и два вершка в высоту, он сохранился даже в войну. И вот на тебе – потревожили!

Не поверите? Почти сразу после его переноса на дороге – аварии: то фура в кювет съехала, то иномарка в жигули врезалась, а последний раз грузовик и газель столкнулись. Четырех пассажиров не удалось спасти, пятерых увезли в больницу.

Хорошо, что власти у нас разумные. Крест вернули назад.

VI. О добрых духах

131

Случилось это зимой. В каком то году? Сейчас скажу. Мне тогда только что исполнилось двадцать три. Стало быть, в тысяча девятьсот шестьдесят первом. Как время бежит! Недавно шестьдесят два отметила!

Так вот жили мы в то время со свекровью и свёкром. Уже Наташка родилась, Димку я в себе носила. Кроме нас, в семье был не женатый деверь, две золовки на выданье. Понятно, что работы невпроворот и дома, и на ферме. С утра до вечера, как заведённая. А молодая ведь ещё! Хотелось поаккуратнее быть. Мужа с дочкой в чистоте держать да и свекрови угодить...

Под Рождество затеяла под вечер стирку. Быстро управилась и решила на речке всё переполоскать. Мужа беспокоить не стала, думала, что сама с бельем разберусь. Прорубь была недалеко от берега. Я поудобнее расположилась и начала полоскать. Спешу. Морозно. Руки окоченели. Как подскользнулась, не знаю, но оказалась в проруби! Вода сразу обожгла меня. Перехватило дыхание. Вот-вот под лед затянет. Кричи, не кричи – не услышат. Только и успела подумать: смерть пришла!

Но откуда силы взялись? Вынырнула – прямо надо мной ветка ивы. Ухватила за неё и выбралась из проруби. Хорошо, что дом рядом. Иначе не доползла бы до него. Конечно, долго болела, хотя всё обошлось.

Потом, выздоровев, поняла, что по Божьей воле ива стала моей спасительницей: ветви-то у неё довольно высоко над водой...

132

Никогда не забуду этого...

В 1978 году, во время уборочной, перегонял я комбайн. Скорее надо было доставить технику в поле. Еду, а дорога плохая. Откуда ни возьмись – навстречу старушка: вся такая аккуратненькая, беленькая, с кошелкой в руках. Я резко тормознул и слышу, что она говорит мне:

– Ой, не спеши, касатик, так-то и до беды недалече!

– Не привыкать нам, бабка, все обойдется, – крикнул я ей в ответ и покатил дальше.

Не проехал и тридцати шагов, как на повороте комбайн неожиданно занесло в кювет. Он перевернулся! Едва я тогда выжил. К счастью, шофер проезжал мимо и доставил меня в больницу.

133

Клюквы в позапрошлом году было столько, что хоть пруд пруди. Собрались мы с Ниной (соседка моя) за ней на болото. У Нины дядя – лесник. Вот мы

и решили заночевать у него, в сторожке, чтобы, значит, в субботу и в воскресенье клюкву собирать.

До леса добрались попутной машиной. Перекусили, чем Бог послал, и – за клюкву. Сначала нам не везло: ягода попадалась мелкая, зато потом – клюква так уж клюква! Даже не заметили, как вечер нагрянул. Нина торопит меня:

– Пора, а то до сторожки километров семь!

– Ничего, успеем. Давай передохнем, потом в путь.

Идем к леснику, довольны, что клюквы набрали. Я делюсь с Ниной своими опасениями: оставила двойняшек (дочку и сына) с бабушкой, им по три года, справится ли она? Муж в командировке. Чувствую, что Нина чем-то обеспокоена. Меня не слушает...

– Подожди, не тараторь, Наталья, – говорит она, – туда ли мы идем? Здесь должен течь ручеек. Нам надо пройти по кладке, а слева – сторожка.

Прошли еще с километр, может, полтора, но никакого ручейка не было. Лес становился гуще. Уже стемнело. Выбившись из сил, мы присели на пенек, прижались друг к другу, не зная, что делать. Вдруг шагах в пяти от нас хрустнула ветка. Мы насторожились.

– Влево, влево... рядом, рядом, – почти выдохнул кто-то, и большая тень, тяжело дыша, сопя, проплыла мимо.

Странно, но мы не сговариваясь, быстро поднялись и, продираясь через чащу, двинулись влево. Очень скоро наткнулись на кладку. Ощупью перебрались через ручей и увидели сразу огонек.

Спустя час, напившись брусничного чая, крепко спали.

134

Война закончилась, а жизнь оставалась такой трудной, что и вспоминать жутко. Есть нечего. Как зима, так холод донимал. В лесу дрова рубить запрещали. Поймают – накажут так, что мало не покажется. Приходилось их иногда ночью воровать. Боялись, конечно, но куда денешься.

Раз поймал нас с матерью председатель. Ночь, метель. Мы на корове везем дровишки. Он навстречу. Отобрать, не отобрал, но пригрозил отдать маму под суд, меня – в трудовую. Упали мы духом.

– Сходи, дочка, к бабушке на денек. Расскажи ей про наше горе. Попрошайся, – с такими словами проводила меня мама в соседнюю деревню.

Сама же прилегла на печку. Задремала. Зимний вечер длинный. Вдруг, откуда ни возьмись, появился в избе маленький человечек. В руке палка с набалдашником. Постучал ею по углам и начал лучину щепать. Нашепал, в печку положил, дров накидал.

– Не забудь трубу закрыть, Дарья, – обратился он к маме. – Не тужи. Скоро легче станет.

Мама очнулась. По-прежнему на стене тикают часы. Темно.

– Господи, ведь я умом тронулась, – подумала она.

Утром председатель пригласил ее в правление, долго беседовал, обещал помочь, как вдове, у которой муж геройски погиб на фронте.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Благоверный – муж.

Впрямь – в самом деле, действительно.

Врачевать – лечить, исцелять.

Дым коромыслом – шум, беспорядок.

Животина – домашнее животное.

Заводной – живой, энергичный человек, бывающий всегда зачинщиком чего-нибудь.

Заодно – одновременно с чем-нибудь другим, кстати.

Зыбка – колыбель, люлька.

Извести – истребить.

Изрядный – значительный по количеству, большой.

Как зеницу ока – тщательно, заботливо.

Конфуз – состояние смущения, неловкости.

Коробейник – торговец мануфактурой, галантереей, книгами вразнос.

Кривой – слепой на один глаз.

Кряду – подряд.

Куражиться – вести себя заносчиво, нагло, безобразничать.

Напасть – беда, неприятность.

Невозмогу – нет никакой возможности, терпения.

Обувка – то же, что обувь.

Ополоснуть – обмыть.

Отменный – очень хороший.

Отстроиться – покончить со стройкой, выстроив что-нибудь для себя.

Повадиться – приобрести привычку делать что-нибудь.

Поганить – осквернять.

Погост – сельское кладбище.

Пожитки – мелкое имущество, домашние вещи.

Помело – палка с намотанной на конце тряпкой для обметания, метла.

Прижимистый – скупой, неуступчивый в денежных делах.

Саван – одеяние из белой ткани для покойников.

Скверна – нечто гнусное, мерзкое, порочное.

Скрючиться – то же, что корчиться.

Содом – беспорядок, шум, суматоха.

Старатель – рабочий по кустарной добыче золота.

Суженый – в народной поэзии: жених.

Там и сям – везде.

Тужить – горевать, кручиниться.

Убиваться – быть в сильном горе, страдать.

Чудить – вести себя чудно, дурить.

Шастать – ходить, бродить.

Шинок – небольшой питейный дом, место незаконной продажи спиртных напитков.

Балагур – человек, который любит балагурить, шутник, весельчак.

Краюха – большой ломоть (хлеба).

Хоть пруд пруди (перен.: о чём-нибудь, имеющемся в изобилии).

Перекусить – слегка закусить.

Тараторить – говорить быстро, не останавливаясь.

Кряду – то же, что подряд.

Дескать – частица. Употребляется, как указание, когда передаётся чужая речь.

Сызмальства – с малых лет, с малолетства.

Касатик – ласковое обращение к мужчине, мальчику (в народной речи).

Незадача – неудачное стечение обстоятельств.

С натуги – от напряжения сил.

Запропасться – исчезнуть неизвестно куда, пропасть.

Наутёк – в бегство.

Разбитый – потерявший бодрость, утомлённый, обессиленный.

Мычать – невнятно говорить, издавать нечленораздельные звуки.

Наказ – наставление, поучение, распоряжение.

Повитуха – повивальная бабка.

Очуметь – потерять соображение, одуреть.

Заядлый – завзятый, с увлечением отдающийся какому-нибудь занятию.

Угораздить – побудить к чему-нибудь, довести до чего-нибудь (обычно чего-нибудь ненужного, нелепого).

Всполошиться – пугаться, волноваться.

Ладить – приводить что-нибудь в готовность.

Артачиться – упрямиться, не соглашаться.

Калякать – разговаривать, беседовать.

Норовить – настойчиво стремиться сделать что-нибудь или добиться чего-нибудь.

Напраслина – ложное обвинение.

Штилеты – мужские ботинки.

Ошарашить – озадачить, поставить в тупик.

Верста – русская мера длины, равная 1,06 км.

Зряшный – никуда и ни к чему не годный, не способный (пренебр.).

Убиваться – быть в сильном горе, страдать.

Стукотня – шум от стука, продолжительный стук.

Шабаш – кончено, довольно.

Прок – выгода, польза.

Спориться – удаваться, протекать успешно.

Там и сям – везде.

Пожитки – мелкое имущество, домашние вещи.

Живность – всякие мелкие живые существа, а также домашние птицы.
Зариться – смотреть на кого-что-нибудь с завистью, с желанием иметь.
Отступиться – отказаться от чего-нибудь, перестать отстаивать что-нибудь.
Телогрейка – короткая теплая кофта (обычно без рукавов) или ватник.
Супостат – противник, недруг.
Нелады – плохие взаимоотношения, ссоры.
Приструнить – воздействовать на кого-нибудь строгими мерами, сделать кому-нибудь внушение.
Стрястись – произойти, случиться (о чём-нибудь неприятном, бедственном).
Вершок – старая мера длины, равная 4,4 см.
Хорохориться – храбриться, задорно горячиться.
Напрасно – бесполезно, безуспешно.
Чуть – едва, еле.
Переть – идти, двигаться.
Подкольный – опасный, коварный.
Залихватский – бесшабашный.
Простоволосый – с непокрытой головой, без платка (обычно о женщинах).
Вонять – дурно пахнуть.
Заприметить – заметить, запомнить (кого-что).
Спёртый – душный, несвежий.
Тужить – горевать, кручиниться (о ком-чём, о ком-чём).

ОП СОСТАВИТЕЛЕЙ

При подготовке к печати данного сборника в основу были положены тексты быличек, записанные на Витебщине за последние десять лет (2002–2012 гг.).

Далее приводим фамилии (в алфавитном порядке) исполнителей текстов быличек.

Абраменко А.А., 1927 г. р., Городокский р-н, д. Филимоново, текст № 111. Запись В. Поклонской, 2002 г.

Барашко М.С., 1922 г. р., Витебский р-н, д. Балаши, текст № 6. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Безлюдова Л.И., 1930 г. р., Оршанский р-н, д. Ломачино, тексты № 33, 42, 43, 44, 49, 50, 53, 54, 55, 56, 57, 58. Запись В. Поклонской, 2002 г.

Белов В.А., 1929 г. р., Городокский р-н, д. Смоловка, тексты № 27, 65, 29, 30, 64, 40, 41. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Богатырева З.И., 1932 г. р., Полоцкий р-н, д. Евнино, текст № 76. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Богданова В.И., 1921 г. р., Витебский район, д. Тетерки, текст № 74. Запись В. Поклонской, 2003 г.

Бородько Н.К., 1938 г. р., Витебский р-н, д. Зайцево, текст № 109. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Бохан И.Ф., 1929 г. р., Оршанский р-н, д. Межево, текст № 122. Запись В. Поклонской, 2009 г.

Быкова Д.И., 1963 г. р., Бешенковичский р-н, д. Боровцы, текст № 52. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Василенко Л.И., 1948 г. р., Оршанский р-н, д. Межево, текст № 121. Запись В. Поклонской, 2002 г.

Вежан Ф.И., 1916 г. р., Поставский р-н, д. Муляры, текст № 66. Запись О. Лапатинской, 2010 г.

Вожан Ю.И., 1932 г. р., Поставский р-н, д. Муляры, текст № 73. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Головко Е.П., 1966 г. р., Городокский р-н, д. Раины, текст № 84. Запись В. Поклонской, 2005 г.

Григорович З.С., 1925 г. р., Глубокский р-н, д. Озерцы, тексты № 125, 126. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Григорьева Г.Л., 1927 г. р., Городокский р-н, д. Вырья, текст № 83. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Гришанова М.Я., 1913 г. р., Городокский р-н, д. Смоловка, тексты № 24, 25, 26. Запись В. Поклонской, 2008 г.

Дорогова М.Н., 1927 г. р., Витебский р-н, д. Билево, текст № 97. Запись В. Поклонской, 2002 г.

Дубовик Е.В., 1973 г. р., г. Поставы, текст № 87. Запись О. Лапатинской, 2009 г.

Егорова Н.А., 1934 г. р., Городокский р-н, д. Веречье, текст № 18. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Егорова О.А., 1929 г. р., Городокский р-н, д. Анисимовка, тексты № 70, 68. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Змитрадан М.А., 1954 г. р., г. Витебск, текст № 134. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Иваненко Л.С., 1943 г. р., Поставский р-н, д. Муляры, текст № 75. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Иванова А.Л., 1914 г. р., Городокский р-н, д. Смолокур, тексты № 19, 11, 39, 22, 23. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Иванова А.А., 1946 г. р., Оршанский р-н, д. Ломачино, тексты № 63, 51. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Иванова С.П., 1942 г. р., г. Сенно, текст № 59. Запись В. Поклонской, 2006 г.

Иванова Т.В., 1931 г. р., Витебский р-н, д. Орешинки, тексты № 100, 102. Запись В. Поклонской, 2006 г.

Иванова Ф.К., 1910 г. р., Витебский р-н, д. Балаши, тексты № 35, 60, 61. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Казаченко А.Я., 1932 г. р., г. Витебск, текст № 37. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Ковалева З.Н., 1954 г. р., г. Сенно, тексты № 62, 77. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Кованова Н.С., 1935 г. р., Витебский р-н, д. Вымно, текст № 123. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Кожемяка А.А., 1912 г. р., Городокский р-н, д. Межа, текст № 118. Запись В. Поклонской, 2002 г.

Козел А.Г., 1923 г. р., Поставский р-н, д. Хотилы, тексты № 8, 9. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Кондратьева Е.А., 1918 г. р., Городокский р-н, д. Межа, текст № 119. Запись В. Поклонской, 2010 г.

Кузнецова Г.С., 1958 г. р., г., г. Витебск, текст № 78. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Кузьмина Л.Я., 1922 г. р., Городокский р-н, д. Смоловка, текст № 38. Запись О. Лапатинской, 2009 г.

Кузьминова А.В., 1926 г. р., Городокский р-н, д. Пальминка, тексты № 105, 112, 113. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Кухарева А.П., 1930 г. р., Городокский р-н, д. Поташня, тексты № 127, 128. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Левдикова М.Ф., 1925 г. р., Дубровенский р-н, д. Ляды, тексты № 116, 117. Запись В. Поклонской, 2007 г.

Луговской И.В., 1932 г. р., Миорский р-н, д. Чурилово, текст № 101. Запись В. Поклонской, 2006 г.

Муравьев З.З., 1932 г. р., Лиозненский р-н, д. Велешковичи, текст № 90. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Мурашкина А.И., 1926 г. р., Дубровенский р-н, д. Ляды, текст № 115. Запись В. Поклонской, 2006 г.

Однорогая Е.М., 1984 г. р., г. Сенно, текст № 48. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Орехова С.К., 1935 г. р., г. Витебск, текст № 36. Запись В. Поклонской, 2005 г.

Павлова В.И., 1972 г. р., Лиозненский р-н, д. Велешковичи, текст № 89. Запись В. Поклонской, 2007 г.

Пальчевская Я.Д., 1938 г. р., Браславский р-н, д. Вайнюнцы, текст № 3. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Петрова А.Ф., 1920 г. р., Городокский р-н, д. Селище, текст № 108. Запись В. Поклонской, 2003 г.

Петровская Ю.Б., 1920 г. р., Миорский р-н, д. Латышонки, текст № 92. Запись В. Поклонской, 2003 г.

Пилецкий И.А., 1939 г. р., Миорский р-н, д. Чурилово, текст № 93. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Побединская В.А., 1927 г. р., Поставский р-н, д. Волохи, тексты № 86, 10. Запись В. Поклонской, 2003 г.

Погорельская Н.А., 1941 г. р., г. Лиозно, текст № 85. Запись В. Поклонской, 2008 г.

Прохоренко Л.В., 1956 г. р., Глубокский р-н, д. Дворное, текст № 79. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Пузан Т.Д., 1937 г. р., Поставский р-н, д. Муляры, текст № 72. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Радкевич Г.В., 1936 г. р., Сенненский р-н, д. Замошье, текст № 28. Запись О. Лапатинской, 2012 г.

Радкевич Я.П., 1933 г. р., г. Сенно, текст № 47. Запись В. Поклонской, 2002 г.

Садовский В.А., 1938 г. р., Миорский р-н, д. Чурилово, тексты № 5, 88. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Садукевич А.И., 1970 г. р., г. Витебск, текст № 132. Запись В. Поклонской, 2005 г.

Санько Е.И., 1945 г. р., Бешенковичский р-н, Д. Кошеево, текст № 31. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Сауть Ф.И., 1908 г. р., Миорский р-н, д. Повятье, текст № 91. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Сашина Т.Б., 1954 г. р., Витебский р-н, д. Билево, тексты № 2, 103. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Севрюкова И.Г., 1892 г. р., Городокский р-н, д. Холомерье, тексты № 98, 96. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Сергинко Д.А., 1978 г. р., г. Витебск, текст № 110. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Синицына Т.Е., 1932 г. р., Витебский р-н, д. Ковали, текст № 114. Запись В. Поклонской, 2005 г.

Смаргун А.В., 1971 г. р., Витебский р-н, д. Вымно, текст № 131. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Соболевская Н.А., 1932 г. р., Поставский р-н, д. Волохи, текст № 7. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Соколов Е.Н., 1934 г. р., Поставский р-н, д. Муляры, текст № 67. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Стаканова А.А., 1928 г. р., Оршанский р-н, д. Ломачино, текст № 46. Запись В. Поклонской, 2012 г.

Старовойтова О.И., 1934 г. р., Витебский р-н, д. Ковали, текст № 107. Запись В. Поклонской, 2009 г.

Стрекатова М.Ф., 1914 г. р., Городокский р-н, д. Межа, тексты № 106, 104. Запись В. Поклонской, 2008 г.

Сынцарева Л.П., 1956 г. р., Оршанский р-н, д. Высокое, текст № 21. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Устинович В.М., 1918 г. р., Сенненский р-н, д. Задорожье, текст № 32. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Фильченко В.Г., 1918 г. р., Сенненский р-н, д. Авсеево, текст № 120. Запись В. Поклонской, 2009 г.

Царева Т.Т., 1919 г. р., г. Витебск, текст № 4. Запись О. Лапатинской, 2009 г.

Цветковская Я.Ф., 1945 г. р., Миорский р-н, д. Латышонки, текст № 94. Запись В. Поклонской, 2007 г.

Чарский Б.Э., 1983 г. р., Поставский р-н, д. Муляры, текст № 69. Запись В. Поклонской, 2006 г.

Чванова Н.И., 1917 г. р., Дубровенский р-н, д. Ляды, тексты № 1, 99. Запись О. Лапатинской, 2009 г.

Шальц В.П., 1921 г. р., Поставский р-н, д. Муляры, текст № 71. Запись В. Поклонской, 2005 г.

Шамовка Л.Н., 1922 г. р., Городокский р-н, д. Смолровка, тексты № 21, 22, 14, 15, 16, 17. Запись О. Лапатинской, 2010 г.

Шевлякова Ю.Ф., 1922 г. р., г. Витебск, тексты № 80, 81, 82. Запись В. Поклонской, 2004 г.

Шипуля З.П., 1951 г. р., Бешенковичский р-н, д. Дуковщина, тексты № 129, 130. Запись В. Поклонской, 2005 г.

Шкатула Н.А., 1952 г. р., г. Витебск, текст № 133. Запись В. Поклонской, 2002 г.

Яковлева А.Я., 1910 г.р., Витебский р-н, д. Марченки, текст № 34. Запись О. Лапатинской, 2011 г.

Яновская Н.А., 1984 г. р., Шарковщинский р-н, д. Ковшелево, текст № 124. Запись В. Поклонской, 2006 г.

Научное издание

БЫЛИЧКИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Сборник текстов

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Т.Е. Сафранкова*

Подписано в печать 05.03.2013. Формат 60х84^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,30. Уч.-изд. л. 3,91. Тираж 50. Заказ **28**.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ЛИ № 02330/110 от 30.01.2013.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.